

Рита Навьер

Однажды ты пожалеешь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785221
0101*

Аннотация

Я думала, моя жизнь превратилась в ад, когда узнала, что мать обманывала меня и... того, кого 17 лет я считала отцом.

Мы с ней уехали в другой город, сбежав от грязных сплетен и позора.

Но я ошибалась. Настоящий ад ждал меня там, в новой школе, в новом классе. И всему виной Он, мой одноклассник. Наглый, самовлюбленный подонок, который решил, что измываться надо мной – это весело.

Я не понимаю – за что он так со мной? Но знаю точно – однажды он пожалеет...

Содержание

Часть 1. Даша	4
1	4
2	15
3	23
4	32
5	42
6	48
7	57
8	65
9	75
10	83
11	93
12	104
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Однажды ты пожалеешь

Автор: Рита Навьер

Часть 1. Даша

1

Подмосковье. Настоящее время. Декабрь.

Я несусь, хватая ледяной воздух ртом, и задыхаюсь. Лёгкие будто туго набиты стекловатой. Лицо болезненно горит. Неуклюже балансирую на скользких тротуарах, пытаюсь никого не сбить, но всё равно натыкаюсь на чужие локти, плечи, сумки.

На здании энергосбыта мерцает красным табло, информируя, что сейчас минус двадцать четыре по Цельсию и три минуты девятого.

Чёрт возьми, всё-таки опоздала.

Бегом взлетаю по ступеням школы, врываюсь в фойе и... сразу же напарываюсь на взгляд Исаева, как на нож. Проклятье!

Чуть подщурив веки, он смотрит внимательно и насмешливо. Словно сытый кот на несчастную мышь, которую пря-

мо сейчас прибить лень, а вот всласть помучить забавы ради – самое то.

Я торопливо отвожу глаза. Пожалуй, слишком торопливо. Сердце, ухнув, сжимается. Щеки вспыхивают, но после пробежки по морозу лицо и так красное – слава богу, не видно.

Как же я ненавижу Исаева, кто бы только знал! Из-за него что ни день в школе – то пытка. Из-за него реву в подушку ночами. Из-за него считаю, сколько осталось до конца учебного года. И сегодня утром встала с мыслью: нужно вытерпеть ещё сто сорок шесть дней... Ещё сто сорок шесть кошмарных дней – и этот ад закончится. Навсегда. Боже, где бы только взять на это сил...

Самое смешное, что кроме меня, во всей школе не найдется, наверное, никого, кто относится к нему плохо. Если такие и есть, то они это умело скрывают.

Ну а в нашем классе Исаева просто обожают. Среди парней у него железобетонный авторитет. Порой такое чувство, что они шагу без его дозволения не могут сделать. Только и слышно: Андрюха, на последний урок идём или забьём? А что делать будем? А после занятий куда? А на выходных собираемся? А где, а что, а как...

Как стадо баранов, честное слово.

Ну а среди девчонок – так и вовсе повальное помешательство Исаевым. Глазки напропалую строят, хихикают над каждым его словом, готовую домашку в клювике ему несут, чтоб не натрудил свой мозг.

Он, конечно, смазливый и, наверное, может быть обаятельным, когда захочет. Но, черт возьми, неужели никто не видит, какой он подонок?

Исаев сидит на подоконнике ровно напротив входной двери. Одну ногу, согнув в колене, примостил на батарее под окном, вторую свесил и неспешно покачивает. Вместо школьной формы на нём – серые джинсы с драными коленями, чёрная толстовка Рибок, красные конверсы. И плевать ему на дресс-код, на то, что уже начался урок, на котором классная обещала дать четвертную контрольную... впрочем, с классной у него особые отношения. Но в любой момент здесь может появиться завуч или директриса, которые непременно спросят, какого черта он прогуливает. На всё ему плевать.

Он сидит себе, флегматично жуёт, как обычно, мятный Орбит и нагло меня разглядывает, пока я нервно и быстро пересекаю пустое фойе, старательно делая вид, что не замечаю его.

А ещё молюсь каким ни на есть богам, чтобы Исаев ничего не сказал и, особенно, не увязался за мной следом. Пожалуйста, пусть хотя бы сегодня он оставит меня в покое!

Я вбегаю в гардероб, рывками выпутываюсь из длинного шарфа, сдёргиваю пуховик, нетерпеливо колочу в закрытое окошко. Пугаюсь, что гардеробщица куда-то уплелась, но потом слышу из глубины раздевалки ворчание. Она та ещё мегера, но сейчас я ей рада и мысленно подгоняю: «Ну же! Скорее! Да шевелись ты уже!», каждую секунду огляды-

ваясь на дверь. Только бы Исаеву не вздумалось притащить-ся сюда следом!

Да, я его не только ненавижу, но и боюсь... Изо всех сил стараюсь, конечно, это скрывать, но, уверена, он прекрасно всё видит и понимает. И упивается моим страхом. Но сейчас в дверном проёме, слава богу, никого.

Наконец пластиковая заслонка отодвигается. Не обращая внимания на бурчание гардеробщицы, сую в окошко куртку и получаю номерок. Неужто пронесло?

Однако я так разнервничалась, что промахиваюсь мимо кармашка сумки, и номерок с тихим стуком падает на каменный пол. Я приседаю, тяну к нему руку и... не успеваю. На белый пластиковый кружок с цифрой 177 наступает Исаев.

Я, вздрогнув, отдёргиваю руку, едва не коснувшись его кед. Смотрю испуганно снизу вверх. А он, сволочь, смотрит глумливо сверху вниз и даже не думает отойти. Я поднимаюсь, бросаю отчаянный взгляд на гардеробщицу, но той и след простыл.

Нервно облизнув пересохшие губы, произношу:

– Чего тебе?

Голос-предатель дрожит и выдаёт меня с головой. Впрочем, Исаев и так прекрасно знает, что я его боюсь. И знает, что ненавижу. Но это его только веселит. И сейчас смотрит в глаза с кривой улыбочкой, пропустив мою реплику мимо ушей. Смотрит нагло и нагло жуёт. И попробуй пойми, что

у него на уме.

– Мне нужно взять номерок, – говорю я, как будто он сам этого не понимает.

– Бери, – издевательски ухмыляется он, но не сдвигается с места.

– Ты на нём стоишь, – сообщаю я очевидное.

– Вот незадача, – забавляется он.

Я нервничаю всё сильнее и одновременно злюсь. Бесит Исаев! Бесит его самодовольная ухмылка, его манера говорить с растяжкой, будто нехотя, его смазливое лицо. Наизусть уже выучила его черты: тёмные брови, одна с еле заметным изломом у виска из-за небольшого шрама. Длинные ресницы, которые кажутся ещё длиннее и гуще, когда он насмешливо подщуривает глаза. У него очень короткая стрижка, но спереди, надо лбом, темно-русые вихры чуть длиннее и стоят торчком, будто он такой лихой и небрежный, но, догадываюсь, эту небрежность Исаев сам старательно укладывает. Ну то есть – ставит. А глаза у него темно-карие, как горький шоколад. Но в глаза я редко ему смотрю, не могу, не по себе становится.

И сейчас почти сразу опускаю взгляд. Не знаю, что сказать. Ведь что ему ни скажи – он только поизгаляется.

И что теперь? Уйти на урок без номерка? Но как потом забирать одежду? Противная мегера-гардеробщица черта с два ее отдаст. Ещё хуже – если Исаев сам возьмет. Тогда с пуховиком можно попрощаться. Он уже проворачивал подобное

с моей ветровкой этой осенью. Теперь светло-серая ткань на спине изуродована гадкой надписью, которую ни отстирать, ни вывести. Жалко куртку, запрятанную глубоко на антресолях, чтобы мама не нашла. Нормальных вещей у меня и так почти нет. Так что единственным пуховиком я жертвовать не собираюсь.

Тогда что делать? Оттолкнуть Исаева? Вряд ли получится. Он, может, и не качок, но высокий, спортивный и довольно крепкий. Уж точно здоровее меня в разы. Попросить? Только человеческих слов этот подонок не понимает.

И всё же я прошу:

– Отойди, пожалуйста.

Исаев выгибает бровь надломленной дугой, и шрам становится заметнее.

– Проси лучше, Стоянова. Душевнее.

– Андрей, пожалуйста, убери ногу, – через силу произношу я, глядя вниз, на ненавистные красные конверсы.

Он снова самодовольно ухмыляется и сдвигает ногу в сторону совсем чуть-чуть, так, что номерок лежит между его кедами, у самой подошвы.

Вот же мудак!

Я, стремительно краснея, быстро приседаю, подбираю злосчастный номерок, но встать не успеваю. Исаев внезапно хватает меня за волосы, сгребает их на затылке в кулак и грубо, очень грубо, оттягивает вниз так, что я волей-неволей поднимаю к нему лицо. Мне больно и страшно. А ещё очень

унизительно это – сидеть на корточках у его ног.

Я хочу встать, пытаюсь как-нибудь вывернуться, отчаянно луплю по его коленям, по руке, царапаю пальцы, но он лишь жестче сжимает волосы, не давая приподняться.

– Я всё знаю, – вдруг наклоняется он и цедит мне в лицо без тени насмешки.

В потемневших глазах горит даже не злость – лютое бешенство. Он сейчас так меня ненавидит, что я физически это чувствую.

Исаев всегда ко мне цеплялся, почти с самого начала, как я пришла в эту школу. Правда, первое время мне казалось, что я ему нравлюсь. Вот же дура...

Однако я до сих пор не понимаю, за что он так меня невзлюбил. Откуда такая неприязнь? Только потому, что новенькая? Ведь я ровным счетом ничего плохого ему не сделала.

Ну а сейчас это не просто неприязнь, а настоящая ненависть. Она как радиация – невидимая, неосязаемая, но смертоносная.

Но с чего вдруг? И что он знает?

Я не понимаю Исаева, однако это «знаю всё» тотчас вгоняет меня почти в панику. Мне есть что скрывать, только при чем тут он?

– Я знаю, что это была ты, тварь. Думала, никто не узнает? Ну, считай, напросилась...

Его рот, да и вообще всё лицо, презрительно кривится,

будто смотрит на кучу гниющего зловонного мусора. Никогда не видела его таким... жутким. Даже вырываться перестала. За что он так? В чем я виновата?

Мысли путаются. Веки щиплет от подступивших слез. Кожа под волосами уже горит, но этот урод не ослабляет хватку. А самое обидное, что я абсолютно не догадываюсь, о чем он, но так напугана и шокирована его неожиданной выходкой и непонятной яростью, что слова вымолвить не получается. Даже перестаю отбиваться. Только бессмысленно хлопаю глазами, в ужасе на него таращаься.

– Оу, Андрюха, – вдруг слышу за спиной: – Чем это вы тут занимаетесь?

Я тотчас узнаю голос Кривошеина из параллельного и делаю резкий рывок, пытаюсь вскочить, но тут Исаев разжимает кулак, выпуская волосы, и сам меня отталкивает.

– Пошла на хрен, – выплевывает он зло, а я, теряя равновесие, едва не заваливаюсь набок, но в последнюю секунду успеваю отставить руку и опереться о пол.

Наконец встаю. Перед глазами всё плывет, по щекам струятся слезы, в ушах бухает пульс. Схватив сумку, я опрометью вылетаю из гардероба под глумливый смех Кривошеина.

– Ну ты, Андрюха, жжешь. А чего злой такой? Обломал я вас, что ли? Ну, сорян.

– Завали, а, – огрызается Исаев.

А больше я ничего не слышу. Бегу прочь, уже и не пыта-

ясь сдержатъ плач. Мало того, что этот подонок меня унизил и обвинил черт знает в чем, так еще и тупой пошляк Кривошеин всё извратил на свой лад, а это чревато новыми сплетнями. Проклятая школа!

Ярываюсь в уборную, выстуженную и пропахшую хлоркой. Закрашенное белой краской окно распахнуто, а подоконник уже успело немного припорошить снегом. Но я не чувствую холода, хоть меня и знобит.

Хорошо ещё, что тут нет никого. Не хочу, чтобы меня видели зареванной. Не хочу давать лишний повод для насмешек. О том, чтобы пойти на урок, и речи быть не может. Куда я в таком виде?

За прогул мне, конечно, влетит от классной по полной программе, я и так на плохом счету. А в ее личном списке худших учеников я наверняка на почетном первом месте.

Не скажу, что совсем уж без причины – характер у меня все же так себе, ну и язык иногда стоило бы поменьше распускать, но и она – редкостная стерва.

Кто сказал, что молоденькие училки добрые и понимающие? Вранье. Вероника Владленовна – самая молодая среди учителей, в прошлом году закончила пед, но такой злобной дуры ещё поискать. А главное, у неё сплошь двойные стандарты.

Например, эта лицемерка многое спускает тому же Исаеву, на его выходки смотрит сквозь пальцы и флиртует с ним так, что стыдно становится.

С другими парнями из класса Вероника Владленовна не так мила и кокетлива, как с Исаевым, но тоже вполне благо-склонна. Ну а со мной она прямо как настоятельница мона-стыря – толкает правильные речи с видом скорбной добро-детели и чуть что – устраивает мне показательную порку. У нас с ней взаимная антипатия.

Но сейчас плевать на неё. Меня больше тревожат угрозы Исаева. Потому что это его «напросилась» прозвучало как самая настоящая угроза. Только вот куда уж хуже. Он и так превратил мою жизнь в крошечный ад...

Кое-как я приглаживаю растрепанные волосы и на всякий случай запираюсь в кабинке. Минуту-другую ещё всхлипы-ваю, шмыгая носом и подбирая слезы рукавом, и постепенно успокаиваюсь.

Сказал бы мне кто-нибудь полгода назад, что я, Даша Сто-янова, по признанию бывшего одноклассника, самая попу-лярная и симпатичная девчонка зареченской средней шко-лы, стану изгоем... да я бы решила, что у человека фанта-зии на грани бреда. Я бы попросту расхохоталась. Там, в За-реченске, парни за мной бегали, а я ещё нос воротила. Да и девчонки набивались в подруги... А здесь я – пария. Аут-сайдер. Изгой.

А самое поразительное и самое ужасное, что за эти четыре месяца я почти привыкла. Почти не реагирую на насмешки и издевки. В душе, конечно, больно, но уже не хочется, как вначале, умереть от горя. Хочется просто, чтобы скорее всё

закончилось.

Хотя сейчас мне дурно, очень. Голова идет кругом, а к горлу волнами подкатывает тошнота. От сегодняшней жуткой выходки Исаева откровенно страшно – как бы по-скотски он себя со мной ни вел прежде, но хотя бы руки не распускал и не угрожал. Что на него нашло – я не знаю, но он явно не шутил.

Ну а от гадких намеков Кривошеина попросту мутит. Только бы не поползли новые сплетни и не дошли до матери!

Смешно, но я до сих пор переживаю, как бы мама не расстроилась. А ведь это она виновата во всем, что с нами случилось. Она одна! Из-за неё вся наша жизнь четыре месяца назад рухнула, разлетелась вдребезги. И я осталась без отца, без дома, без друзей, без всего, что знала и любила...

Даша

Четыре месяца назад. Конец августа. Зареченск

В последний день августа солнце жарило, как в июле, но к вечеру резко и неуютно потянуло осенней прохладой.

Мы убивали время на берегу водохранилища. Парни курили, глушили энергетик и наперебой рассказывали всякие дикие истории типа из жизни, про себя или знакомых, но, по ходу, вычитанные из интернета. Потому что лично меня не покидало ощущение, что где-то подобное уже было. Да и, простите, в нашем Зареченске ничего никогда не происходит. Все ведь друг друга знают. И самые громкие события у нас – это если кто-то родил, умер или подрался. Больше ничего. А парней послушать – так у нас прямо сплошной блокбастер.

Но Нелька, подруга моя, охала, ахала, смеялась, в общем, за нас обеих выдавала ту реакцию, которую ждали. Я же умирала со скуки. Особенно Денис Мясников вгонял меня в тоску. Он, хоть и единственный не развлекал нас с Нелькой трешачком, но зато неотрывно пялился на меня с видом побитой собаки. Даже когда стемнело, я явственно ощущала на себе его взгляд.

Мясников запал на меня, кажется, классе в восьмом. Или в седьмом? Сначала мне это льстило, немного и недолго. Потом стало утомлять, раздражать, бесить, короче, по нарастающей.

Знаю, так говорить нехорошо или даже жестоко, знаю, что чужие чувства надо уважать, но это выше моих сил. Слава богу, он особо не пристаёт, но буквально по пятам ходит, как тень, и смотрит-смотрит, брр... Одно время в прошлом году перестал за мной таскаться, но лишь потому, что я встречалась с Валеркой Князовым. А как только мы с Валеркой разбежались, так снова за старое.

Нелька вечно повторяет: «Ах, Дэн тебя любит-обожает! Меня бы кто так преданно любил!».

А у меня от его преданной любви, от этих собачьих просительных взглядов во рту сводит, как от кислятины.

И так меня всё это достало, что я Мясникову однажды прямо высказала, что ничего ему не светит. И что? Вообще ничего не изменилось. Всё равно ходит, смотрит, вздыхает.

Я, как могу, стараюсь его избегать. И сегодня, когда парни из нашего класса позвали нас с Нелькой на водохранилище, я спросила, будет ли Мясников. Не будет, пообещали. И вот он, пожалуйста, сидит, гипнотизирует.

Сто раз пожалела, что пошла с ними. Домой, что ли, вернуться?

Правда, дома тоже сейчас не всё гладко. То есть совсем плохо. Не знаю, что у родителей вдруг стряслось – они мне

ничего не говорят, но там явно не просто ссора. Что-то серьезное, судя по тому, что на отце второй день лица нет, а мать утром выглядела так, будто всю ночь прорыдала.

– Да у всех предки ссорятся, – заверила Нелька, когда я с ней поделилась переживаниями. – Это нормально. Мои вон собачатся чуть ли не каждый день.

Может, Нелька отчасти и права. У половины одноклассников родители вообще развелись. Но мои не такие. Отец с матери вечно пылинки сдувал. Если сам не на смене, поджидал её с работы у школы, хотя до нашего дома идти пять минут черепашьям шагом. За ужином всегда расспрашивал: как класс, как уроки, как ученики, не расстраивают ли её. Мать у меня ведет инглиш в начальных классах.

Пока она пишет планы или проверяет тетради, отец не включает телевизор, даже если там показывают футбол, и по квартире ходит чуть не на цыпочках. А уж если она приляжет вздремнуть, то жизнь в нашем доме вообще останавливается. Да они не ссорились никогда, сколько я себя помню!

И тут такое... Раньше, если б мать заплакала, у отца инфаркт миокарда, наверное, случился бы, а сегодня утром он просто сидел и молчал на кухне с каменным лицом. И даже не смотрел на мать, на её зареванное лицо, на красные опухшие глаза. По-моему, он так и ушёл на работу, не притронувшись к еде, не сказав ни слова.

Я потом пыталась у матери разузнать, но без толку. И позже, когда наши позвали на водохранилище, она отпустила

меня без единого вопроса. А обычно – ну просто шагу ступить невозможно, даже из дома не выйдешь, пока она не выспросит подробно: куда иду, с кем, насколько, кому звонить, где искать и всё такое.

Вообще-то меня всегда бесили эти её вечные причитания и квохтанья, эта чрезмерная опека и постоянный контроль, но сегодня аж как-то не по себе стало. Как будто мать подменили. Наверное, в тот момент я и поняла – в нашей семье беда. Ну или что-то очень-очень плохое.

И главное, что делать – непонятно. Отец ушёл, мать замкнулась наглухо и молчит, слова из неё не вытянешь.

– Неохота завтра на линейку, да? – ласково спросила Нелька у Пашки Широкова – он ей с девятого класса нравился. Она всё хотела с ним замутить, вечно пыталась завязать разговор, звала куда-нибудь, но Пашка тормозил. И даже сейчас ответили все, кроме него.

– Угу, капец как неохота.

– Да вообще. Чё там делать? На этом утреннике.

– Ну как чё? Гусева слушать. Он там, поди, уже заготовил спич и отрепетировал. Завтра двинет, коротенько, часа на три...

Парни вместе с Нелькой хохотнули. Гусев – это наш директор, и он правда любит выступать подолгу.

– Да лаан, последняя линейка, можно и сходить, чё.

– А ты, Даш, пойдешь? – вдруг спросил меня Широков.

– Конечно, – отозвалась я без особого энтузиазма. – Куда

я денусь?

Когда Широков заговаривает со мной при Нельке, мне всегда становится неловко. Она хоть и не подает виду, но, мне кажется, ей это неприятно. Вот и сейчас она сразу же слишком громко и нарочито засмеялась, когда кто-то из парней добавил:

– С подводной лодки.

От реки повеяло холодом, и я зябко поежилась. И тут же Мясников сдернул с себя олимпийку и накинул мне на плечи.

– Спасибо, – пробормотала я, подавив порыв немедленно её снять и вернуть хозяину. Как бы Мясников меня ни допекал, унижать его при одноклассниках не хотелось. Они и так над ним все время за глаза посмеиваются. Да и в глаза не стесняются.

Нелька повернулась ко мне. В темноте едва угадывались её черты, но я и так знала, что она многозначительно улыбнулась, мол, видишь, какой Денис хороший, какой заботливый.

Разошлись по домам мы в начале двенадцатого. До центрального перекрестка брели все вместе, но затем все сворачивали направо, в частный сектор, а нам с Нелькой надо было налево, к кирпичным двухэтажкам. Мы с ней жили в соседних домах. Однако она вдруг заявила, что пойдет сегодня к бабушке и останется у неё. Наверняка из-за Широкова, потому что бабку свою Нелька на дух не выносила.

Я, конечно, и одна могла добежать до наших домов, не в первый раз, дорогу уже наизусть знаю. И темноты не боюсь. Да и кого бояться в Зареченске? Просто не понравилось мне, что она вот так меня как бы бросила. Вместе же пошли гулять. Но затем она отмочила ещё похлеще:

– Прости, Дашуль, – елеиным голосом заворковала Нелька, почувствовав, что я сержусь. – Сразу не сказала, что я потом к бабке. Просто из головы напрочь вылетело. Но тебя вон Дэн проводит. Да, Дэн? Проводишь Дашу?

– Я и одна дойду, – поспешно выпалила я, но Мясников уже пристроился рядом.

Большую часть пути мы шли в полном молчании, тяжело и неудобно. Мысленно я крыла Нельку распоследними словами. Удружила, ничего не скажешь. И ведь знает же, что я Мясникова на дух не выношу, что избегаю его всячески – и так мне подгадила. Не ожидала я от неё такой подставы.

Мы пересекли железнодорожные пути. Мясников подал мне руку, но я, проигнорировав его жест, сбежала с насыпи сама и прибавила шаг, хотя мы и так шли в темпе. Может, со стороны я и веду себя с ним как стерва, так, во всяком случае, Нелька не раз заявляла, но, как по мне, лучше сразу пресекать все поползновения на корню, чем щадить, бояться обидеть и давать напрасные надежды. Если затянешь – в итоге всем хуже будет. А так – обрубил в зародыше и никаких иллюзий. Хотя с Мясниковым это не очень-то работает.

Я уже видела сквозь ветки тополей желтые окна своего до-

ма, когда из кустов акации выскочила собака и с лаем кинулась на нас. Так внезапно, что я взвизгнула и схватила Мясникова за локоть. На инстинктах, разумеется. Почти сразу опомнилась и отцепилась, но, на всякий случай, держалась рядом, пока он отгонял собаку.

– А ну пошла! – цыкнул Денис, затем резко наклонился, притворившись, что подбирает с земли камень.

Собака отскочила, а вскоре и вовсе убежала. И тут он, совершенно неожиданно, приобнял меня за плечи, пробормотав: «Всё, всё». Я тихо охнула от такой наглости – Мясников прежде таких вольностей себе не позволял. И только вознамерилась отбросить его руку и разъяснить ему, что нечего меня лапать, как он вдруг притиснул меня к себе и обнял крепко. Я дернулась, попыталась оттолкнуть его, но не тут-то было.

– Дэн! Ты совсем сдурел? Отпусти меня! – верещала я, стараясь вывернуться. – Руки убери, сказала!

Но Мясников, похоже, и правда сошел с ума. Вместо того, чтобы разжать объятия, он стиснул меня так, что, казалось, кости хрустнули. А потом... потом начал меня целовать. Неумело, торопливо, неприятно. Даже противно. Елозил мокрым ртом по моим губам. Бестолково и настырно тыкался языком, но я сжала и зубы, и губы так, что у меня челюсти заныли от напряжения. При этом неустанно колотила его по спине и бокам, пока до меня не дошло, что ему мои трепыхания как мертвому припарки. Тогда на миг затихла

и расслабилась, а в следующую секунду впилась зубами ему в губу. Мясников взвыл и наконец выпустил меня. Я, недолго думая, рванула бегом в сторону нашей двухэтажки. Впрочем, Мясников за мной не гнался, но я все равно не могла остановиться, пока не добежала до подъезда. Только тогда смогла перевести дух. Во рту до сих пор стоял металлический привкус крови, хоть я и сто раз сплюнула. Противно, гадко, мерзко!

Дома стояла гробовая тишина, зато свет горел везде, где можно.

– Мам! Я дома, – крикнула я из прихожей, но она не отзывалась...

Я скинула кеды и только тут увидела, что на мне олимпийка Мясникова. Её я сдернула так, словно она на мне горела. Потом устремила в ванную, вымыла лицо, почистила зубы. И всё равно гадкое ощущение осталось на коже, на губах. Фу. Казалось, в жизни больше не смогу ни с кем поцеловаться. А Нельке, решила я, завтра всё это припомню.

Маму я нашла в большой комнате, которая одновременно была и родительской спальней. Вторая комната – маленькая – моя территория. Туда без разрешения входить никому нельзя. Правда, мать нередко вероломно нарушала мои личные границы. Пока меня нет дома, могла обшарить все шкафы и полки, перерыть вещи, взлезть в мой компьютер, почистить переписку. Пока я мылась в душе – обхлопать карманы, перетряхнуть сумку, проверить телефон.

Сколько из-за этого мы с ней ссорились! А всё равно она регулярно устраивает шмон. У неё бзик на тему, как бы чего не случилось.

Когда я встречалась с Валеркой Князевым, она буквально изводила брюзжанием: «Им всем только одно нужно – залезть под юбку. Говорит, что любит? Вранье! Они что угодно скажут, лишь бы своего добиться. Он тебя поматросит и бросит...»

Когда мы разбежались, она нудила: вот видишь! Что у вас было? Не ври мне!.. Сто раз ей повторила: ничего! Бесполезно. Успокоилась она только, когда притащила меня к гинекологу, и та её заверила, что я... в общем, ни разу ни с кем. Терпеть не могу слово девственница, дурацкое слово, высокопарное и нафталиновое. Но в материнском стиле. За тот унижительный осмотр я с ней две недели не разговаривала, и она даже не понимала. Отец понимал, а она нет. Говорила ему: а что такого?

А уж как она сходила с ума с этим «синим китом»! Заставила снести свой акк в контакте, потом вообще решила, наверное, чего морочиться? И запретила интернет. В школе почти на каждой перемене к нам в класс поднималась. Встанет порой в дверях, постоит, посмотрит. И никак ей не объяснишь, что она позорит меня перед одноклассниками. Что если б я даже захотела что-нибудь такое учинить, то вряд ли стала бы это делать при всех, между уроками. Дома в тот период тоже гайки закрутила не по-детски. Не позволяла закрываться на защелку в ванной, а в мою комнату дверь вообще всегда должна была быть нараспашку. Я бесилась страшно, даже мысль удрать из дома приходила на ум. Не знаю, чем бы закончился этот дурдом, но вмешался отец. Обычно он её заскоки принимал спокойно, потворствовал ей во всём, но тут твердо встал на мою сторону. Сказал ей: «Ты или сломаешь Дашку, или испортишь в конец отношения. А я не хочу потерять дочь». Мать, конечно, спорила с ним, но

уступила. Ослабила немного вожжи.

Господи, хоть бы они помирились! Пожалуйста!

– Мам, ты чего так сидишь? – попробовала я её растормошить.

Мама сидела на диване, сунув между коленями ладони, и тупо смотрела в телевизор. Выключенный.

– Да так, – наконец отмерла она. – А сколько времени? Почти двенадцать? Ой как поздно... Спать давно пора. Завтра же линейка.

Она начала суетиться, расстилать диван. Я тоже отправилась спать, хотя подозревала, что черта с два усну.

Так и получилось. Больше часа я ворочалась в кровати, потом решила –потихоньку проберусь на кухню, попою, а, может, и перекушу что-нибудь. Шла я на цыпочках, чтобы мать не разбудить, но, как оказалось, она тоже не спала. Болтала с кем-то по телефону. Сначала я подумала, что с отцом. А с кем ещё? В такой час!

Наверняка отношения выясняли – она вон всхлипывала через слово. Я слышала сквозь неплотно затворенную дверь, как она шмыгала носом, и уж было хотела влезть в разговор родителей, внести свою лепту в их примирение.

Но потом мать отчетливо произнесла:

– Нет, Марин, это конец.

Я остолбенела. Замерла, потрясенная. Марина? Какая такая Марина? Кто это? Но не это главное. Что значит – конец? Чему конец?

Я ничего толком не поняла, но смутная тревога, терзавшая меня весь день, стремительно нарастала, превращаясь в панику. Откуда-то я знала, была почти на сто процентов уверена, что мать говорила про отца, про нашу семью.

Я не могла пошевелиться, не могла выдохнуть, стояла, прильнув к стене возле двери и напряженно слушала. С одной стороны, меня мучило любопытство – нестерпимо хотелось узнать, что у родителей творится. А с другой – отчаянно боялась. Подозревала, видимо, что эта правда мне не понравится.

– Марин, нет, ничего не наладится. Нечему уже налаживаться. Ваня не простит, не сможет... Он сам сказал... Нет, не просто так сказал, не сгоряча. Ты его не видела... Всё серьезно...

Снова всхлипы. Чего отец ей не сможет простить? Что она такого могла сделать? Не могу даже представить.

– Он ведь так верил мне... Это его попросту убило... Сказал, что все оставит нам, а сам уйдет... Не может он тут с нами, со мной, с Дашей... Я сама виновата, знаю. Надо было давно все ему рассказать. Даже если бы он тогда меня не понял, то все равно сейчас всё было бы не так ужасно. Но я струсилась. Я ему и про... ну, про изнасилование долго не могла признаться, потом уже, спустя год или два... Ну а про то, что Даша не от него, а от какой-то мрази, чье имя я даже не знаю... у меня язык не поворачивался... И Ванька тогда так радовался, что станет отцом. Не смогла я... А потом

сама поверила. Заставила себя забыть тот кошмар. Внушила себе, что Ваня и есть Дашкин отец. Ну кому нужна была эта правда? Для чего? Чтобы все разрушить? Мы ведь были счастливы...

Я слушала обрывочные фразы матери и не верила своим ушам. Нет, это не может быть правдой! Это какой-то бред, безумие, тупой розыгрыш. Мой отец мне не отец? Ну чушь же! Но внутри, под ребрами рос ледяной ком. Огромный и тяжелый он давил изнутри, не давал дышать, не давал двигаться.

– Я пыталась, Марин, пыталась все ему объяснить... Нет, он не понял и не простил. Так и сказал, что, наверное, и хотел бы простить, но не может. Никак. Нет, не того, что Даша не его, а того, что я от него это скрыла. Ложь не может простить, понимаешь? Я ему столько лет, говорит, врал. Вся наша жизнь, говорит, вообще всё было сплошной ложью... Сейчас он на работе. Но завтра, сказал, вернется со смены, соберет свои вещи и уйдет... навсегда...

Мне хотелось кричать от отчаяния, но из горла вырвался лишь хриплый, едва слышный стон. Я не хочу, чтобы отец уходил! Мне плевать, что там наговорила мать, он – мой отец и точка. Я его не отпущу.

– Да как узнал? Случайно узнал. У Вани с весны проблемы начались... ну, по мужской части. Он всё тянул-тянул. Я ж его и уговорила пойти обследоваться. Вот так он и узнал, что не может иметь детей... Нет, Марин, и раньше не мог.

Ваня, оказывается, ещё в детстве чем-то таким переболел... свинкой, что ли. С осложнениями. Вот из-за этого всё... ну, бесплодие...

Мать снова разрыдалась, и я поймала себя на том, что тоже стою и реву. Молча, без единого звука. Просто слезы кажутся ручьем, а я подбираю их рукавом ночной рубашки.

– Я не знаю, Марин, что теперь будет. Не знаю, как буду без Вани. Не знаю, как на работу ходить, как вообще без него жить. Не знаю, как Дашка... что ей сказать, она же так любит отца. А еще боюсь. Сплетен боюсь. Все ведь обсуждать будут наш развод. Пальцем показывать, мусолить. Ты же знаешь наш Зареченск. Марин, ну какая врачебная тайна? Там Солопов, помнишь же его? Он теперь врач. Это он Ваню на обследование отправил, и конечно, он в курсе, и его медсестра тоже, и, наверное, не только они. Это у вас там конфиденциальность, а в нашей дыре живешь как на ладони. Ничего утаить невозможно. Все друг про друга всё знают...

Привалившись спиной к стене, я стояла, не в силах сдвинуться с места. Шок, который буквально оглушил меня в первый момент, немного отпустил. Но теперь меня накрыло осознание того, что произошло, и того, что ещё произойдет. И ощущение было такое, что в одночасье я лишилась всего, даже себя самой...

Мать ещё о чем-то говорила с этой неведомой Мариной, но я больше не слушала. На негнущихся ногах поплелась в свою комнату.

Всю ночь я пролежала без сна. Смотрела в темный потолок, на котором играли блики фонарей и тени спутанных тополиных веток, и думала, думала. Кто такая Марина – я вспомнила. Мамина подруга, с которой они вместе учились в школе, затем – в институте, а потом между ними произошло что-то плохое, и их дорожки разошлись. Кажется, то плохое как раз и связано с тем, что над ними надругались.

Подробностей я никаких не знаю. Эта тема в нашей семье – табу. Лишь года три назад, когда мать не отпускала меня в поход со знакомыми парнями, обмолвилась, типа, их с подругой обманули тоже на вид вполне приличные и надежные люди, куда-то заманили, ну а затем всё остальное... Тогда, помню, её слова меня здорово шокировали. Я давай допытываться: как, где, когда? Но мать сразу замкнулась, больше ни слова не сказала и вообще заплакала, чем очень напугала меня. Папа тоже знал про ту давнюю историю и тоже лишь в общих чертах.

А пару лет назад мамины одноклассники решили устроить встречу выпускников. Мать сначала хотела пойти, но как только отец сообщил, что приехала Марина, сразу передумала. Ну и не пошла. Краем уха я слышала, как мать сказала отцу, что не может простить подругу «за тот случай».

Но, видимо, смогла, если вон среди ночи с ней откровенничает. Впрочем, плевать на эту подругу. А вот всё остальное – кошмар, от которого в груди болело так сильно, словно там всё ножом изрезали.

Если так оно и было, тогда отец правильно сказал – всё ложь, одна сплошная ложь. И родила меня мать не от моего отца, которого я люблю так сильно, как и сама не подозревала, а от безымянной мрази. Как, как мне с этим жить?

Горло перехватило спазмом, я попыталась сглотнуть и... опять разрыдалась. Теперь уже в голос. На шум пришла мать, которой тоже не спалось.

– Даша, что случилось? – спросила она зачем-то шепотом. Приблизилась к кровати, села на край в изножье.

– Дашуль, что с тобой? – повторила чуть громче и протянула ко мне руку. Но едва она коснулась моей щеки, как я дёрнулась от неё словно ужаленная. – Даш?

– Не трогай меня, – выдавила я сипло. – Я всё слышала.

– Что ты слышала?

Я почувствовала, как она тотчас напряглась.

– Всё. Ты врала папе. Врала мне. Ты...

В груди снова встал ком.

Она не сразу заговорила, наверное, не знала, что сказать. А потом произнесла самое тупое и самое банальное, что только можно было придумать в этой ситуации.

– Мне жаль...

– Жаль? Тебе всего лишь жаль? Ты своим враньем жизнь нам разрушила! Не прикасайся ко мне! Оставь меня!

Мать с минуту не шевелилась, только дышала тяжело и шумно. Несколько раз как будто порывалась что-то сказать, но так и не решилась. Затем поднялась и вышла, оставив ме-

ня наедине с горем.

Кажется, я все-таки заснула. Хотя сложно назвать сном двухчасовое тяжелое забытие, вынырнув из которого, я чувствовала себя совершенно разбитой, будто спала на голых камнях. Не хотелось выползать из кровати, тащиться на линейку, встречаться с нашими. Да вообще ничего не хотелось. Внутри меня как будто кровоточила и ныла огромная рана. И вся школьная суета на фоне моего личного горя казалась такой пустой и ненужной. Но я знала, что вот так валяться, жалеть себя и хандрить – это еще хуже. Можно накрутить себя до того, что с ума сойдешь. А эти простые и понятные действия – привести себя в порядок, дойти до школы, отстоять со всеми во дворе час-полтора, после линейки потусить с одноклассниками в роще, пусть даже на автомате, – не давали заикливаться и раскисать. Пойду, решила я, и постараюсь ни о чем пока не думать, хотя горькие мысли сами лезли в голову, как их ни отгоняй.

Мать уже ушла, оставив на столе завтрак, но мне бы сейчас и кусок в горло не полез. Девчонки из нашего класса ещё накануне договорились прийти на первое сентября в белых фартучках и с бантами, как первоклашки. Тогда я всеобщую затею поддержала, обещала, что буду, как все. Но сейчас эти кружева и бантики казались пафосной и наивной ерундой.

Белой футболки-поло и клетчатой серой юбки, решила я, будет вполне достаточно.

На линейку я немного опоздала. Когда подошла к школе, директор уже вещал с небольшого деревянного помоста, установленного посреди школьного двора. Я протиснулась за спинами родителей первоклашек к своему классу.

– Ой, Дашуля, привет. Иди к нам! А ты чего не в форме? У-у, договаривались же, – сразу же началось, стоило мне подойти.

Я отмахнулась от девчонок, типа, потом скажу. Да и классная сразу шикнула на нас.

Наш одиннадцатый был самым малочисленным классом. Каждый год выбывало по одному, а то и по двое, а в девятом отсеялась чуть ли не половина. И теперь нас всего тринадцать. Чертова дюжина, как шутит наша классная. Хотя на самом деле какие там черти? Наши парни, которые в свое время доводили учителей до истерик, а в седьмом классе чуть школу не спалили, давно остепенились. И сейчас сбились в группку и тихонько переговаривались. А раньше бы на ушах стояли. Я посмотрела на одноклассников и поймала пристальный взгляд Мясникова. Меня тут же передернуло. Непроизвольно захотелось вытереть губы, но я лишь сморщилась и отвернулась.

Решила, что в другой раз с ним поговорю. Жестко. Скажу, что, если он ещё посмеет меня тронуть, пожалуюсь отцу... Отец... В груди снова противно заныло. Он ведь не пришел

сегодня утром с ночной смены, а должен был. Неужели он уже нас бросил? Мать – потому что врала. Меня – потому что я не его дочь. Так что ли? Нет, нет, он не мог так со мной поступить.

Я нашла глазами мать. Она стояла со своими третьеклассниками напротив и наискосок. Стояла сама не своя, с убитым, опухшим от слез лицом. Даже притворяться у нее не получалось. И так её вдруг жалко стало, аж горло перехватило...

Нет, не нужно на нее смотреть. Не хочу ее жалеть. Это ведь она виновата, она одна, напомнила я себе и отвернулась.

Я пыталась поставить себя на место отца, хотела понять, простила бы такую ложь или нет, но не могла. Слишком больно было самой, чтобы представлять чужие ощущения. Только разозлилась вдруг на него. Он так легко бросил и мать, и меня, как будто все, что было, для него вообще не важно...

Кто-то тронул меня за локоть, выдернув из раздумий. Я вздрогнула и обернулась. Нелька. Стояла, улыбалась, виновато потупив глаза, и теребила кружевной подол белого фартука.

– Дашуль, ты сегодня какая-то не такая. Ты из-за Дэна сердисься? Из-за того, что я сказала, чтоб он тебя проводил? Но я же за тебя волновалась! Поздно же было, темно. На переезде даже фонари не работают.

– О, так, может, мне тебе еще спасибо сказать, заботливая ты моя? – зло прошипела я.

Если честно, то про нее я почти забыла. Точнее, не забыла, а перестала про нее думать. Размолвка родителей как-то сдвинула всё остальное на задний план. Но сейчас Нелька подлезла под горячую руку.

– Блин, ну ты чего, Даш? Ну, подумаешь, проводил тебя Дэн. Нет, ну че такого-то? Не раздувай из мухи трагедию.

– Ах, из мухи трагедию?! – развернулась к ней я. Остальные девчонки тотчас затихли и уставились на нас с любопытством. – А ты знаешь, что он приставал ко мне?

– Как?! – округлила глаза Нелька. – В каком смысле – приставал?

– Ну а в каком еще пристают? Отойди от меня и даже заговаривать со мной не смей, – отчеканила я с угрозой.

– Девочки, девочки, вы чего? На вас смотрят, – всполошились наши.

Нелька отступила, но на протяжении всей линейки то и дело на меня поглядывала. Я, конечно, понимала, что просто сорвала на ней обиду и злость, но мне было все равно.

После школы всем классом отправились в рощу – мы там частенько в теплое время зависаем. Даже место «свое» есть. Небольшой ровный пятачок в кольце деревьев. Два старых сухих бревна типа скамеек, а между ними черное пятно пепелища, с лета осталось. Сегодня, ближе к ночи, парни тоже замыслили развести костер. Только я эту романтику не застала. Я и так-то еле высидела пару часов, и как меня наши ни уговаривали побыть ещё, поплелась домой.

Что толку сидеть, когда внутри всё клокочет и болит? Только другим настроение портить.

– Даже не думай идти за мной, – предупредила я Мясникова, нацелив на него указательный палец. А то он тоже подскочил с бревна, как только я встала.

– По ходу, вчера что-то было, чего мы не знаем? – полюбопытствовал кто-то из наших.

– Даш, проводить тебя? – подскочил вдруг Пашка Широков.

На мгновение промелькнула мстительная мысль: взять и согласиться Нельке назло. Но тут же одернула себя – она же ни причем тут. Она нисколько не виновата в нашей беде.

– Сама дойду, – буркнула я и припустила домой. А по дороге прокручивала, что и как скажу матери. Пусть придумывает теперь, как вернуть отца!

Но мать я застала всю в слезах. Она не переделалась даже – как была на линейке в синем платье с белым отложным воротником, так в нем же и лежала на диване, свернувшись калачиком. А ведь такая аккуратистка! И цветы, что ей надали ученики, она не убрала в воду, а просто бросила ворохом в прихожей. Я сама рассовала по банкам астры и гладиолусы.

Ну, конечно, ни с каким разговором я к ней лезть не стала. Мама так горько рыдала, что у меня самой чуть сердце не разорвалось. Потом накапала ей успокоительного. Помогло или нет – не знаю, но рыдать она прекратила. И даже по-

клевала ужин, который пришлось готовить мне, а я тот ещё повар. Пожарила картошку так, что она умудрилась и пригореть, и остаться сыроватой.

После ужина я помыла посуду и убралась к себе. Мать говорила, что звонила отцу сто раз, а тот не брал трубку, но я решила тоже попробовать. В конце концов он же любил меня семнадцать лет, неужели разлюбит за один день? Неужели все эти годы, когда он растил меня, брал с собой на рыбалку, покупал сладости тайком от мамы, учил кататься на велике и танцевать танго и твист, звал меня "моя кроха", неужели это всё совсем ничего не стоит?

Но и мне не удалось к нему пробиться. Тогда я оставила ему голосовое, аж всплакнула на последних словах.

Тут в окно кто-то швырнул камешек. Так меня всегда вызывал погулять Валерка Князев, потому что мать не хотела, чтобы мы встречались. Ну а больше никто так не делал.

Я высунулась в форточку. В тусклом свете фонаря узнала Мясникова.

– Ты чего сюда приперся? – задыхнулась я от такой наглости. – Вообще ко мне приближаться не смей!

– Даш, я только поговорить, – промямлил он.

– Не о чем нам с тобой разговаривать. Не до тебя мне.

– Ну, пожалуйста. Я извиниться хочу.

– Ну, считай, извинился. Всё, ступай.

– Даш, пожалуйста, выслушай меня... Не бойся, я ничего тебе не сделаю. То, что вчера между нами было... я не хотел.

Я нечаянно сорвался...

Так, стоп. Сейчас этого дурака все соседи услышат и, что ещё хуже, мать. И если сейчас она не в кондиции, то потом обязательно припомнит. Так и вижу, как она допытывается: что у вас было с Мясниковым? Что такого он сделал? Мать в этом отношении просто невозможная.

– Ладно, – бросила я нехотя. – Сейчас спущусь на пару сек.

Заодно верну ему олимпийку. На всякий случай я ещё и отцовский фонарь прихватила. Он громоздкий, тяжелый, в металлическом корпусе и с ручкой. Если Мясников опять нечаянно сорвется, будет чем дать отпор.

Но Мясников стоял в тени весь какой-то понурый и сгорбленный. Я даже злиться перестала. Молча сунула ему в руки олимпийку.

Он тоже молчал. Выждать, когда он разговорится, я не стала, развернулась и пошла назад, к подъезду.

– Даш, – окликнул он меня.

Я остановилась и оглянулась.

– Что?

– Я не хотел. Ну, вчера. Прости, что так получилось. Я правда не хотел. Не хотел напугать тебя.

Только я вознамерилась объяснить ему, что мои вчерашние ощущения – это не испуг, а кое-что другое, что это было не страшно, а гадко и мерзко, что отныне мне противно даже разговаривать с ним, как Мясников зачастил:

– Не знаю, что на меня нашло. Дурак я... Я думал, что... мы так... Ну и Нелька сказала, что я тебе... это... ну, типа, нравлюсь. Мы с ней общались немного,

– Что за бред? Нелька-то здесь с какого бока? И не могла она тебе такого сказать, не ври.

– Я не вру! Она правда так сказала. Еще сказала, что я нерешительный. Что ты ждешь, когда я... ну, типа, первый шаг сделаю.

– И ты решил сделать шаг? Наброситься на меня?

– Я думал... ты сама не против... ну, Нелька сказала... вы же подруги...

Нелька – сволочь. Я просто ума не приложу, какого черта она его так накрутила.

– Даш, ну прости... Я, правда, не хотел.

– Иди домой, – устало ответила я. – Мне тоже пора. Честно, мне не до тебя сейчас.

Поднявшись к себе, я первым делом набила гневное сообщение Нельке. Затем стерла и переписала чуть иначе. Но и его не стала отправлять. Решила, что обругать её я всегда успею, хотя бы завтра лично. Может, Мясников вообще соврал. Лучше закину удочку и понаблюдаю.

«Сейчас приходил Денис Мясников. Поговорили с ним. Очень интересные факты о тебе выясняются...»

Нелька почти сразу среагировала. Буквально забомбила меня ответными сообщениями: какие факты? О чем ты? Что он тебе наплел? Мясников врет как дышит! Если он насчет

вчерашнего, то он дебил! Я просто пошутила, а он...

И всё в таком духе.

Я ей не отвечала. Нет у меня больше подруги. И разговаривать нам не о чем.

Отец появился ближе к ночи. Всклокоченный, весь какой-то мятый, угрюмый, с похмельным запашком. Вообще-то отец почти не пьет, но тут, видать, разобрало. Однако я все равно ему ужасно обрадовалась, кинулась к нему как маленькая, но, как оказалось, всё зря. Он вернулся за вещами, а еще чтобы попрощаться, извиниться передо мной и... сообщить, что уезжает если не насовсем, то надолго. Полгода, год, как пойдет. Отправляется в какую-то неведомую глушь скважину бурить.

Мы с матерью наперебой принялись отговаривать его. Правда, мать быстро сдулась, наверное, поняла, что бесполезно. Я же чуть в истерике не билась. Кричала, захлебываясь слезами:

– Папочка, не уходи! Я же тебя так люблю... Помнишь, ты говорил, что не можешь потерять дочь? А теперь что? Сам от меня отказываешься? Просто потому что какие-то там анализы...? Ну не уходи, не бросай нас! Это же я, твоя кроха... папочка, пожалуйста...

Я грозилась, что никогда в жизни его не прощу, если он уйдет, что не переживу, что с ума сойду и вообще умру. Но

без толку, он уже всё для себя решил.

– Ты кому-нибудь рассказал... про нас? – спросила мама. Она стояла в проеме двери, бледная и поникшая. – Рассказал, что мы расходимся?

Она его больше не уговаривала, даже не просила остаться. Просто наблюдала за его сборами. А мне хотелось крикнуть: ну чего ты молчишь? Почему ты его так легко отпускаешь? Зачем спрашиваешь какую-то ерунду?

Отец, складывая одежду в дорожную сумку, на миг замер, поднял на нее потухшие глаза и молча кивнул. Она еле заметно дернулась и как будто с трудом выдавила:

– Зачем?

Отец лишь неопределенно повел плечом.

– Спросили – ответил, – вздохнул он. Опустил голову и продолжил собирать вещи.

Трогательного прощания не получилось, хотя отец перед уходом снова попытался объяснить со мной, даже заверил, что ничего не поменялось. Но даже мне понятно, что поменялось всё...

Спустя пару дней, адских, кошмарных, тоскливых дней, в течение которых мы с матерью практически не разговаривали друг с другом, а молча варились каждый в своем горе, она вдруг меня огорошила:

– Даш, а давай тоже уедем из Зареченска?

– Куда? Зачем? Тоже скважину бурить?

– Даш, я серьезно. Я понимаю, что у тебя выпускной класс. Но и ты пойми, мне тут очень тяжело. Невыносимо.

Знала я, почему ей невыносимо. К нам бабуля, папина мать, днем приходила, пока я в школе была, и учинила эпический разнос. Это вообще в ее духе – скандалить по любому поводу, а тут такое. Потом бабушка позвонила мне и двадцать минут рыдала в трубку, причитая, что эта (так она называла мою маму) нам жизнь разрушила и всех нас опозорила.

"Ванечка всё для неё... – подвывала она. – А эта предала его! Нож в спину воткнула!"

"А он предал меня", – отрезала я, разозлившись, и сбросила звонок. Ну не могла я больше мусолить эту тему. Зачем все время об этом стонать и квохтать? Кому от этого легче? Мне лично – нет.

А дома мать завела ту же пластинку.

– Даш? Не могу я тут... плохо мне...

– А мне нормально, – огрызнулась я. – Я не хочу никуда уезжать. У меня тут друзья, да вообще всё.

– Понимаю, – вздохнула мать. – Но ты молодая, появятся новые друзья, новые увлечения. А там, к тому же, будут такие перспективы...

– Мне не нужны новые друзья и новые увлечения, и перспективы твои не нужны. Мне нравится так, как есть.

Она поникла, и я тотчас ощутила укол вины. Хотя, разобраться если, с чего бы? Меня моя жизнь на сто процентов устраивает, я никому не врала, никому ничего плохого не делала. Почему я должна все бросать и уезжать неизвестно куда? Она и так меня отца лишила. Но это её выражение смиренной мученицы вечно действует на меня на каком-то подсознательном уровне. Я тут же чувствую себя жестокой стервой, изводящей собственную мать. И прямо не по себе становится.

Черт, но уезжать мне все равно не хочется, прямо до отчаяния!

– А если отец вернется, а нас нет? – спросила её уже мягко.

– Не вернется он, – покачала она головой и сникла еще больше.

Когда она такая, я даже спорить не могу. Обычно уступаю, но сейчас... нет-нет. Ну какой отъезд? Даже если они разведутся окончательно, что с того? Не они первые, не они последние. Другие же продолжают как-то жить.

– Да и куда мы поедем? Мам, ну ты подумай. У нас здесь всё...

– Меня Марина звала к себе. Обещала помочь устроиться. В груди полыхнула злость. Опять эта Марина! Вот честно, плевать мне было на ее подругу всё это время, когда мать за какие-то там грехи юности на нее обижалась. Но сейчас... Зовет она! А вдруг отец остынет, вдруг сам невыносимо заскучает и захочет вернуться? А если мы уедем – то всё, конец, бесповоротно.

Я ушла к себе, лишь бы не видеть её скорбного лица. Это уметь надо – сломать всем жизнь и при этом внушить другим чувство вины весом в тонну, а самой выглядеть жертвой.

Однако уже на следующий день я, кажется, поняла, почему мать собралась сорваться черт знает куда. Сначала утром мне девчонки из класса сообщили, что про нас ходят всякие слухи. Ничего конкретного не говорили, наверное, стеснялись. Просто сказали:

– Блин, про твоих предков всякое болтают...

– А вы слушайте побольше, – буркнула я, но огорчилась.

Мать, как огня, боится сплетен. Одно время к ней приставал наш учитель труда, хотя уже старпер. Она пожаловалась папе, он с трудовиком разобрался, поддал ему хорошенько, и тот отстал. Но принялся сочинять, что мама сама была не против. Ему не особо поверили, но немного пошептались по углам. Так мама тогда впала в адскую депрессию из-за этих сплетен. Хотя кто их не боится? Как там у Грибоедова? Злые

языки страшнее пистолета. Так оно и есть.

А позже, когда по пути из школы домой я заскочила в магазин, то своими ушами слышала, как тетки в очереди перемывали маме косточки.

– ... значит, Дашка не его дочь? И от кого тогда Наташка залетела?

– Да в городе нашла какого-то. Они ж с Маринкой после школы уехали в эти свои институты. А там, сами знаете, как девки гуляют. Вырвутся на свободу и пускаются во все тяжкие. Вот и Наташка нагуляла. Я по срокам примерно подсчитала – все совпало. А сюда приехала и Ваньке-дурачку навешала лапшу. Городской-то наверняка ее послал. На кой она ему...

Только я вознамерилась встрять и наговорить теткам гадостей, как одна из них ляпнула:

– Да точно! А помните, она ж как раз незадолго до свадьбы таблеток наглotalась, чуть не померла?

Я застыла на месте, оглушенная. Мама глотала таблетки?! Мама хотела умереть?

– Да-да, было, было, – подхватила тетя Валя, продавщица. – Вот поэтому и наглotalась. Жалко Ваньку. Хороший мужик, непьющий, работающий. Досталась же ему прошмандовка.

– Мой говорит, что Ванька уехал на вахту куда-то. На север, что ли.

– Ну так! От позора, поди, сбежал, бедолага. Кому охо-

та ходить рогоносцем. Она ж и после свадьбы, поди, гуляла. Помните, был же какой-то скандал, что трудовик к ней домогался? Я ещё тогда говорила, что у Наташки этой рыльце в пушку, а мне не верили. Ну вот. В тихом омуте... Бедный Ванька.

– Да-а, жалко мужика. Эта-то быстро утешится. Я вчера видела на почте, как она глазки строила Тонькиному мужу.

– Вот же срамота... Хорошо, что родители её до такого позора не дожили.

– А самое ужасное, что эта... прости господи... ещё и учительница. Чему такая учительница может детей научить? Да ее на пушечный выстрел нельзя к детям подпускать.

– Вот уж воистину!

За спиной хлопнула дверь, и в магазин ввалилась горстка пацанов. Тетки обернулись на шум и увидели меня, окаменевшую у порога. Они заметно смутились, заткнулись, отвели глаза, а одна из них, мать Веры Черновой, моей одноклассницы, слащаво пролепетала:

– О, Даша. Уроки уже кончились? Как мама?

– Сами вы прошмандовки, – выпалила я и выскочила из магазина. Дуры!

Вечером, когда мать снова затеяла разговор о переезде, я, к ее огромному удивлению, даже спорить не стала. Молча выслушала все ее доводы и обещания, как там будет хорошо.

Если честно, мне вдруг стало страшно за мать. Меня-то

эти сплетни выбили на весь день, а ей каково? Уезжать не хотелось до смерти, ну а вдруг она опять что-нибудь с собой сделает? Она вечерами с таким страшным и пустым лицом сидит в кресле. И может сидеть так час-два-три. А теперь ещё какие-то таблетки всплыли... Неужто она правда хотела покончить с собой? Жутко...

– Ну что скажешь, Даш? Ты подумай – это же столица. Там такие возможности. Не то что тут. А про папу не переживай. Мы его матери адрес оставим. Если захочет – найдет.

– Ты из-за сплетен хочешь уехать?

– Не только. Но и поэтому тоже, – мать долго молчала, не шевелясь и глядя в одну точку, и я снова забеспокоилась. Но потом очнулась и с горечью произнесла: – Люди такие злые. Так любят осудить...

Хотелось спросить насчет таблеток – вдруг все-таки тетки наврали? – но почему-то язык не поворачивался.

– Ладно, – выдохнула я. – Давай уедем.

Про злосчастные «таблетки» я все-таки выпросила, но не у матери, а у ее подруги. Той самой Марины. Не сразу же, как приехали, конечно, а спустя время. Поначалу я вообще слово лишнее вымолвить стеснялась, не то что разводить кого-то на откровения. Чужой город, чужой дом, чужие люди – для меня, ни разу не покидавшей Зареченск, всё это было слишком. Но постепенно я освоилась. Подружилась с Олей, старшей дочерью Марины, она ненамного меня младше. А потом и с самой Мариной.

Мы прожили в их доме несколько дней, и вопреки моему воинственному настрою она мне понравилась. С ней мы махом нашли общий язык. И вообще она оказалась дружелюбной, легкой, живой, без всяких лишних заморочек. Не то что её муж. Тимур. Он, конечно, крутой, но ужасно нелюдимый и мрачный.

Я не помню, поздоровался он с нами или нет в первую встречу, но потом ни слова нам ни разу не сказал.

Нет, он нас не гнал прочь, ничего плохого не говорил, то есть вообще ничего не говорил, но при нем как будто сразу тучи сгустились. Сама атмосфера в доме тотчас менялась. И даже их мальчишки – маленькие ведь совсем, а сразу же стихали, когда он приходил после работы.

Что уж говорить о нас. Мы с мамой вообще в диван вжались и не дышали. А после ужина быстренько уходили в дальнюю комнату, которую они нам выделили на двоих и до утра носа не высовывали, чтоб лишний раз не попадаться ему на глаза.

Мне показалось, что Тимур очень любит свою жену и только поэтому нас терпит. А может, у него всегда такой вид, по жизни. Вид убийцы, пошутила я, но маме эта шутка не понравилась.

Однако, когда Тимур смотрел на Марину, у него аж лицо менялось, светлело и теплело, что ли. Я вдруг подумала, что тоже так хочу: чтобы кто-то крутой и опасный так таял со мной одной...

С Олей, Тимур вообще-то тоже был мягок, я даже решила, что она – его любимица из детей. Но потом мама по секрету мне поведала, что Оля ему вообще не родная.

Не знаю, зачем она мне это сказала. Только хуже стало. Потому что он свою неродную дочь любит, а мой папа меня бросил...

Утром Тимур снова уезжал на работу, заодно увозил Олю в школу, и становилось свободнее. Во всяком случае – мне. Мама все равно держалась скованно и с Мариной еле общалась – и не скажешь, что они подруги. Я же, наоборот, болтала с Мариной обо всем подряд.

Самое удивительное, что разговаривать с ней по душам оказалось гораздо легче, чем с матерью, как будто это её я

знаю всю жизнь. Впрочем, и она сначала ни в какую не хотела даже заговаривать про тот случай, как будто с неё взяли клятву молчать. Твердила на все мои вопросы одно:

– Если бы твоя мама считала нужным, она бы сама тебе всё рассказала.

– Моя мама никогда не считает нужным кому-то что-то рассказывать. Не всегда это правильно, – возражала я. – Иначе мы бы сюда к вам в Москву не переехали, а остались бы дома. С папой.

Марина на это только разводила руками, типа, может, она и согласна со мной, но ничего поделать не может.

Сегодня мама поехала на собеседование – тоже спасибо Марине. Она через своих знакомых договорилась, чтобы её устроили в какую-то подмосковную школу учителем начальных классов.

Ну а я навязалась пойти с Мариной выгуливать её мальчишек, а там приперла её с расспросами:

– Ну так что, Марин? Не молчи. Что там за история с таблетками была? Мама правда это сделала? Чуть не умерла? Кто её спас?

– Ну, снова ты об этом! Вот зачем ворошить старое?

– Знаешь, это старое само вылезло. Просто свалилось как снег на голову.

– Угу. Лучше скажи, как там в Зареченске? Что нового? Я сто лет не была... – попыталась сбить меня с мысли Марина,

но со мной такие приемы не проходят.

Вопросы её я пропустила мимо ушей и опять за своё:

– Послушай, Марин, я бы еще поняла тебя... ну, почему ты хочешь это скрыть... если бы никто ничего не знал. А так получается, что я про собственную мать узнаю такие жуткие вещи из уличных сплетен. Марин, я же не чужой человек, не из праздного любопытства спрашиваю. Я же за неё боюсь! Я должна знать, чего от неё ждать. Ну давай ты хотя бы кивнешь, если всё так? Она делала... пыталась это сделать?

Помедлив, она кивнула. И лицо у неё при этом сделалось виновато-печальное. А я подумала вдруг, как это страшно, когда твой близкий человек способен на такой отчаянный шаг... Еще страшнее, когда твоя родная мать всерьез такое сотворить...

И хотя я почти ждала именно такого ответа, но мне сделалось не по себе.

– Из-за того, что... ну, с вами сделали те подонки, она сломалась? – осипшим голосом не сразу спросила я.

Марина вскинула на меня глаза в замешательстве. Удивилась, что я в курсе?

– Да, я всё знаю, – подтвердила я. – Мне мама рассказывала, что вас с ней обманом заманили, ну и... – я осеклась. Не смогла снова повторить то ужасное слово вслух.

– Да... – тихо произнесла Марина.

– Их... тех мразей нашли?

Она кивнула, отрешенно глядя перед собой.

– Посадили? Нет?! Как же так? Они откупились, да? Или... вы на них не стали писать заявление? – несмотря на горечь, не могла сдержаться я.

Марина покачала головой.

– Почему? – изумилась я.

Она пожала плечами.

– Мы тогда были старше тебя всего на год. Не с кем было поделиться, посоветоваться... И эти сволочи запугали нас. Пригрозили, что покажут то проклятое видео нашим родным. Ты только с мамой эту тему всё же не поднимай. Всё это и так исковеркало жизнь и мне, и ей...

– Погоди... Какое видео? Они ещё и снимали это? Как они вас...? Какой ужас... И что, они так и остались безнаказанными?

Марина заметно помрачнела, явно жалея о том, что повелась на мои уговоры и сказала лишнее.

Ответила она не сразу. А когда заговорила, голос её показался каким-то сухим и бесцветным, но твердым.

– Не остались они безнаказанными. Но я не хочу об этом. И ты забудь. Не надо об этом больше.

Зря я катила бочку на Марину и её мужа. Даже стыдно теперь, хоть они и не знают, как плохо я про них думала. Особенно про Марину. Винула её в том, что мать с отцом разошлись. Ну и вообще относилась к ней очень предвзято. А она оказалась мировой теткой. Понимающей. И очень много для

нас сделала. Помогла вот матери устроиться в школу в Электростали. И меня зачислили туда же, в выпускной класс.

– Это хорошо, что вы вместе будете, в одной школе, – рассуждала Марина. – Вдвоем всегда легче.

Наоборот, это плохо, думала я, но вслух ничего не говорила. Когда мне человек нравится, я по пустякам с ним не спорю.

– Волнуешься? – спросила она.

Я пожалала плечами. Волнуюсь, наверное, я же никогда не была новенькой. Только пока об этом особо не задумывалась. Хотя вот сейчас Марина спросила, и я ощутила, как внутри засвербело что-то, то ли волнение, то ли тревога.

А потом Тимур просто убил нас своим великодушием – подогнал однокомнатную квартиру в том же городе. Типа, живите сколько хотите. Может, конечно, это мы его так достали, что он расщедрился, лишь бы ему глаза больше не мозолили. Но лично мне всё равно, какие у него мотивы, главное – есть, где жить.

Мать, конечно, распереживалась. Поклялась, что заплатит ему за аренду сразу, как только продадим дом бабушки и дедушки в Зареченске. Он посмотрел на нее так, будто она с приветом.

– Глупости не говорите, – поморщился он.

– Но... – залепетала мама.

– Даже не начинайте, – сказал как отрезал.

Марина потом рассказала, что эту квартиру переписал на

Тимура какой-то тип за невыплаченные долги. Сейчас она простаивает практически бесхозная. Что с ней дальше делать, они пока не решили.

– Может, продадим со временем, не знаю, – беспечно улыбнулась она. – Но пока пусть будет. Уже дважды пригодилась. Весной Паша, друг Тимура, там останавливался, приезжал на лечение. Сейчас вот вы поживете. Только скажу сразу, квартира не фонтан. Ремонт там давно не делали. Из вещей – только самое необходимое. Но если что понадобится – привезу.

Мать аж прослезилась от благодарности. Ну я тоже, конечно, прониклась.

В субботу Марина отвезла нас в Электросталь. После её слов я ожидала, что жить мы будем в убогой клетушке. Но нет. Квартира и правда оказалась маленькой, но, во-первых, мы к хоромам не привыкли и нас всего двое. А, во-вторых, тут просто классно.

Студия в стиле лофт с кирпичными стенами и деревянными балками на потолке. Я такие интерьеры только в журналах видела. Ну да, малость запущено – мы даже расчихались от пыли. А огромное панорамное окно выглядело не просто грязным, а прямо каким-то закопченным. Но вычистить и помыть недолго же. Ну и ещё здесь слишком пусто – ни ковров, ни штор, ни дивана или кресла, ни даже телевизора. Из посадочных мест – только строганные табуретки на высоких

ножках. Но это не беда, обживемся. Во всяком случае, мне здесь понравилось.

Единственное, плохо то, что комнаты у меня своей нет, да даже угла. Но я уже присмотрела на авито симпатичную ширму, осталось только мать уговорить раскошелиться.

Все воскресенье мы надраивали квартиру. Отмыли так, что к вечеру всё блестело, а мы обе буквально с ног валились. Спать легли рано, даже стемнеть не успело – так сильно устали. Ну и конечно, в местный режим мы пока не вписались. В Зареченске уже глубокая ночь, а здесь ещё детское время.

Мать легла на единственную тахту, а я – на раскладушку, которую вместе со всякой бытовой мелочью подогнала нам Марина.

– Боишься? – произнесла в тишине мать.

– Чего? – сквозь полудрему спросила я.

– Завтрашнего дня... этой школы... новых одноклассников... ну и вообще как всё будет...

– Нет, – соврала я.

Вот зачем она это спросила? Естественно, боюсь! Само по себе попасть в чужой коллектив – довольно напряжно, а из нашей глухомани заявиться сюда, без пятидесяти километров столицу – вообще дикий стресс. Я тут посмотрела на местную молодежь, когда в ближайший магазин ходила. Почувствовала себя, как с другой планеты. Они держатся, разговаривают, одеваются совсем по-другому.

А если в новом классе принято встречать по одежке? А у меня туфли дешевые и порядком подзаношенные. Да что уж, не только туфли.

В уме я уже прокрутила несколько сценариев завтрашней встречи с одноклассниками, один хуже другого...

– Молодец, – вздохнула мать. – Мне бы твою уверенность. У меня хоть там и малыши будут, второй класс, а я боюсь...

Я промолчала, притворившись, что сплю. Совсем она меня не знает. Ну какая уверенность? Я, конечно, не истеричка, но у меня аж подсасывает под ложечкой от страха. Так тягостно и противно. Я думала, что до утра ни за что теперь не усну, но усталость и джетлаг взяли свое.

Разбудил нас телефон, выставленный на шесть утра. Обычно я поднимаюсь с постели тяжело и нехотя, но тут подскочила как ужаленная, с колотящимся сердцем. Вот и всё, осознала я только сейчас. Назад пути нет. Здравствуй, новая жизнь...

– Ой, Даш, уже скоро звонок, – всполошилась мать, глядя на часы. Мы с ней едва ли бегом не бежали от остановки к школе. – Я, наверное, не успею тебя проводить. Не хочется в первый день опаздывать. Или все-таки провожу?

– Не надо, сама дойду, – поспешно заверила я, а про себя вздохнула облегченно.

Я и так вся на нервах, будто не в новый класс иду, а на заклание. Не хватало ещё, чтобы меня мама за ручку привела как в детском саду. Но оказалось, что начальные классы занимались в отдельном корпусе, который располагался за основным зданием школы. И прекрасно! Хватит мне позора в старой школе с её извечным контролем и опекой.

Сколько раз она ставила меня в неловкое положение – не счесть. Запросто подходила на перемене, когда мы с девочками болтали, и встревала в наш разговор с какой-нибудь ерундой, типа: «Даша, ты сегодня не позавтракала. Ты здорова?». И при этом надо было обязательно потрогать лоб, и обсмотреть всю, ой да чуть ли не обнюхать. Хорошо хоть наши относились с пониманием.

А самое мое «любимое» – это когда она, опять же при бывших одноклассниках, высказала строго: «Даша, мне кажется, ты кое-что забыла». И при этом многозначительно и с уко-

ром посмотрела. Слава богу, додумалась хотя бы отозвать меня в сторону и там уж отчитала за то, что я не надела лифчик. «Всё выделяется! Это неприлично! Пошло! Развратно! Фу! Или ты специально в таком виде заявила?».

Нет, слава богу, что теперь мы не будем пересекаться на переменах. Одной заботой меньше.

Пока она не увязалась за мной, я припустила к школе и вскоре затерялась в потоке других учеников. Забежала в фойе и... растерялась. Не ожидала, что тут будет такая сутолока.

Народ галдел, сновал беспорядочно туда-сюда, напоминая броуновское движение. У стенда с расписанием образовалась толчея. Несколько старшеклассниц облепили высокое зеркало. Две девчонки красились, стоя плотно плечом друг к другу. Остальные – человек шесть-семь – крутились рядом, переговаривались, смеялись. Видать, своей очереди на марафет ожидали.

А затем к ним подплыли ещё три девушки. Одна, яркая шатенка, сразу видно – звезда. Она и вышагивала, даже в такой суете, как по подиуму. Вторая, худющая блондинка, ей заметно подражала, а третья – высокая, крупная, с короткой стрижкой – тоже вышагивала, но только как по плацу.

Окологеркальная очередь расступилась, пропуская звезду, а тех двух, что красились, она сама изящно отодвинула. Небрежно мазнула по губам помадой. Вытянула их уточкой и засмеялась вместе с подружками. Затем тряхнула головой

так, что длинные волнистые волосы всколыхнулись и красиво рассыпались по спине. Потом вся троица удалилась, к зеркалу снова прильнули девчонки и продолжили краситься.

Так странно и волнующе было наблюдать эту чужую толкотню и суматоху со стороны, зная, что я уже сегодня стану её частью. А потом прозвенел звонок, и хаос исчез. Гвалт стих, толпа рассосалась, фойе и коридоры опустели. Осталась одна я. И сразу стало легче, хоть и спросить, где находится кабинет директора или завуча, теперь не у кого.

Ничего, сама найду, решила я, гадая, куда свернуть. Из фойе шли три коридора: направо, налево и прямо. Прямой – самый широкий, его я и выбрала. Но он вёл, как оказалось, в бассейн.

Круто! Во всем Зареченске не было ни одного бассейна, а тут в обычной школе свой собственный имеется. Правда, сквозь стеклянные двери я видела только стены, облицованные синим и белым кафелем, но живо представила себе, какой он, должно быть, классный.

Затем вернулась назад, ненадолго задержалась возле зеркала, на которое тут явный спрос. По сравнению с той «звездой» выглядела я, конечно, бледно. Нет, комплексов по поводу внешности у меня нет. Во всяком случае, прежде не было. Но та девчонка казалась такой яркой и уверенной в себе...

Ну и пусть. Глядя на свое отражение, я с вызовом вскинула подбородок. Вообще-то, если б я тоже подкрасилась и на-

дела модные шмотки, то большой вопрос, кто сиял бы ярче. Так-то глупость, конечно. Краситься мне мать все равно не разрешает, а про модные шмотки можно даже не заикаться.

Вздыхнув, я отошла от зеркала и отправилась на поиски директора. На этот раз пошла направо. На первой же двустворчатой двери висела табличка Гардероб. Следующим был медпункт, дальше – лестница, затем – актовый зал, и последняя дверь, в самом конце коридора, не имела никаких опознавательных знаков.

"Туалет, что ли?" – подумала я, различив приглушенный шум воды.

И в ту же секунду оттуда вышел парень. Я, за секунду услышав его шаги, рванула в сторону и едва успела отскочить к окну, но он, похоже, засек мой маневр. Взметнул одну бровь, как будто рассеченную небольшим, ещё темным шрамом. Заложив руки в карманы, оглядел меня с ног до головы. А затем, не сводя с меня взгляда, теперь уже насмешливого, он медленно, вразвалочку приблизился.

– Привет, – подмигнул он мне и, не вынимая рук из карманов, уселся на подоконник рядом со мной.

От него еле ощутимо пахло каким-то приятным свежим парфюмом и довольно резко – табаком, как будто он только что покурил. Хмыкнув каким-то своим мыслям, парень достал из кармана упаковку Орбита и зажевал одну подушечку. И сразу пахнуло мятой. Ну лучше так, не люблю табачный дух.

А он ничего такой, подумалось вдруг. Даже шрам, пересекающий одну бровь, ему шёл.

– Привет, – поздоровалась я, поборов неловкое смущение, которое, надеюсь, он не заметил.

Вообще-то я не из тех, кого смущает внимание парней. Но этот был как-то уж слишком нахален и самоуверен. Ну а с другой стороны, держался он, вроде как, просто и естественно, без понтов и снобизма. Правда, разглядывал меня чересчур откровенно.

– Ты чего здесь? – спросил он, кивнув на дверь, откуда недавно вышел.

– Я... ну, я ищу директора.

– В мужском туалете? – снова хмыкнул он, вздернув брови. – Ну а чё, ей там самое место.

Наверное, стоило как-нибудь отшутиться, но при нем мое чувство юмора напрочь заморозилось, и самое большее, что мне удалось, – это выдавить на полном серьезе:

– Я не знала, что это туалет.

– Заблудилась, что ли?

– Немного.

– Так ты новенькая?

Кивком я подтвердила его догадку.

– А в какой класс идешь?

– В одиннадцатый «А».

– О, так ты моя одноклассница? Давай знакомиться тогда, одноклассница. Андрей. Исаев. – Он вынул из кармана руку,

протянул мне.

– Даша Стоянова, – пожалала я его ладонь, сухую, теплую, но довольно жесткую.

– Ну пойдём, Даша Стоянова, – плавно спрыгнув с подоконника, он пошел по коридору в обратную сторону. Затем оглянулся, посмотрел на меня с кривоватой улыбкой: – Покажу что тут у нас и где. Устрою тебе бесплатную экскурсию. Все равно делать нечего.

– А разве у вас нет первого урока? – семена за ним, поинтересовалась я. Судя по расписанию, в 11 «А» сейчас должна быть физкультура. Я проверила.

– У меня – нет, – ответил он, немного резко, будто вопрос ему не понравился. Но затем вполне добродушно продолжил: – Здесь у нас сидит медичка. Если вдруг приболеешь, сюда – за освобождением. А больше здесь ловить нечего.

Мы вышли в фойе. Он махнул рукой вперед:

– Там столовка и спортзал. А там – бассейн. Плаваешь?

– Не особо, – скромно ответила я.

– Не умеешь?

– Нет.

Ну не говорить же ему, что я с детства рассекала по-собачьи на Зареченском водохранилище.

Он снова усмехнулся. А я озадачилась: что тут смешного?

Мы поднялись на второй этаж.

Он неторопливо шагал передо мной, все так же держа ру-

ки в карманах. Кивал на некоторые двери, мимо которых мы проходили, и объявлял, хотя на них и так имелись таблички:

– Здесь история... историк у нас зачетный тип. Здесь – русский и литра... скукотища... А тут англиш. Сечешь в английском? А то у нас англичанка – капец зверюга. Её уроки – вообще адский ад. Кстати, следующим у нас как раз инглиш. Заценишь обстановочку. Ну а тут... тут ещё один туалет, вдруг тебе интересно.

– Спасибо, запомню, – оценила я его подколку.

– Всегда пожалуйста, – улыбнулся он. В этот раз по-настоящему, открыто и весело.

– Ну а вон там, видишь, где пальма?

– Фикус...

– Да один хрен, – отмахнулся он. – Короче, вон там логово безобразной Эльзы, в смысле, нашей директрисы. Я уж туда не пойду, не горю желанием лишний раз с ней пересечься.

– Понятно, – улыбнулась я. – Ну, тут я и сама дойду. Спасибо.

– Ну давай. До встречи в аду. В смысле, на английском.

Он усмехнулся, коротко махнул рукой и пошел обратно. Не спеша, вальяжно, будто по парку гуляет. И ни разу не оглянулся, а я, пока он не скрылся за углом, смотрела ему в спину.

Что ж, не знаю, какой там будет новый класс, но, по крайней мере, этот одноклассник мне понравился. Как он назвался? Кажется, Андрей. Да, Андрей Исаев.

На дверях приемной я прочла табличку «директор Лидерман Эльза Георгиевна» и сдержала смехок. Не из-за её клички, просто нервы. Ну а когда я увидела её воочию, то всякое желание смеяться отшибло полностью.

Никакая она не безобразная, а для своих лет – так вполне себе красивая. Только надменная, суровая и холодная. Глаза вообще как льдины – светло-голубые, почти прозрачные с крохотными точками зрачков. Она на меня лишь взглянула, а мне сразу захотелось поежиться.

Особо разговаривать директриса со мной не стала, отправила к своей секретарше. Пока та возилась с документами, я разглядывала приемную. Идеальный порядок на полках, на подоконнике, на столе. Нигде ничего лишнего, ни единой бу-мажки или скрепки. И сама секретарша как робот – ни одной эмоции на лице. Можно подумать, директриса подобрала её под стать себе.

Раздался звонок с урока, резкий и пронзительный, и спустя пару-тройку секунд за дверями постепенно поднялся гвалт. Но здесь, в приемной директора, по-прежнему стояла неживая тишина, которая теперь, когда в коридорах так шумели, казалась ещё разительнее.

– Ну всё. Иди, знакомься с классом. У одиннадцатого «А»

сейчас английский. Двадцать четвертый кабинет. На этом же этаже, – равнодушно произнесла секретарша.

Я кивнула.

– Классный руководитель Вероника Владленовна. Ведет у вас математику. Все остальные вопросы будешь решать с ней, ну она тебе сама все скажет. Сегодня... – секретарша уставилась в монитор, пару раз щелкнула мышкой, – ну вот как раз после английского третьим-четвертым будет алгебра. Но можешь подойти к ней прямо сейчас, она должна быть в учительской. Это следующая дверь по коридору. Проводит тебя...

– Да нет, я сама.

Я вышла из приемной. Хорошо, что теперь знала, куда идти. Но у дверей кабинета снова на миг замерла.

Черт, до сих пор немного страшно. Но не так, как вчера или утром. Даже не страх это, а, скорее, волнение. Тот парень, Андрей Исаев, всё-таки приободрил меня и успокоил, сам того не ведая. Просто супер, что он – мой одноклассник.

Поглубже вдохнув, я открыла дверь и почти сразу выдохнула с тихим возгласом. Этот самый Андрей стоял у порога, ко мне лицом, как будто собирался выйти в коридор. И если бы я рефлексивно не остановилась как вкопанная, мы бы с ним точно столкнулись.

Он тоже вскинул брови от неожиданности, но почти сразу улыбнулся и, совершенно по-свойски взяв меня за руку, втянул в класс.

– Э, народ, этеншн! – объявил он. Все сразу замолкли и воззрились на нас. – В нашем полку прибыло.

– Новенькая, что ли? – услышала я женский голос справа.

Повернулась на звук и сразу же узнала «звезду», которую наблюдала перед уроками у зеркала. Сейчас она стояла у окна вместе с теми же подругами.

Красивая она все-таки: правильные черты, волнистые каштановые волосы как с рекламы шампуня, осанка как у царицы... Только глаза какие-то рыбы, большие и блеклые.

– Катрин, медаль тебе за сообразительность, – съёрничал Андрей, но она лишь снисходительно ему улыбнулась. Потом медленно и плавно приблизилась ко мне.

– Как зовут тебя, новенькая? – окинув меня сверху вниз взглядом царицы, спросила она полунасмешливо.

Черт, в Зареченске за такой тон и такой взгляд я бы её уже послала, не стесняясь в выражениях. Но здесь я была чужой, и в первый же день начинать со скандала не хотелось. Поэтому ответила спокойно:

– Даша.

Она непонятно чему фыркнула и, продолжая разглядывать меня с затаенной насмешкой в глазах, изрекла:

– Значит, ты теперь будешь учиться с нами.

Я промолчала.

– И откуда ты к нам прибыла?

Я вдруг поймала себя на мысли, что мне не хочется говорить правду. Наверное, потому что она и так смотрела на

меня свысока. Разозлившись на себя за малодушие, я выпалила с вызовом:

– Из Зареченска.

– Господи, это вообще где? – развеселилась она.

– Гугл тебе в помощь, Катрин, – вмешался Андрей, и я мысленно его возблагодарила.

– Пфф, вот делать мне больше нечего.

Но он повернулся ко мне и как будто перестал её замечать.

– Ну, выбирай, куда сядешь.

– Да где свободно, туда и сяду, – пожала я плечами, мазнув взглядом по кабинету, относительно небольшому, но уютному. Здесь было много зелени на подоконниках и полках стеллажа, а на стенах, обшитых панелями под дерево, висели фотографии с достопримечательностями Лондона. Вестминстер, Тауэр, Биг-Бен.

Мои будущие одноклассники, то есть уже не будущие... продолжали меня разглядывать. Это немного нервировало.

Надо уже скорее куда-нибудь приткнуться, чтоб не стоять здесь как на сцене, подумала я, и Андрей тут же подтолкнул меня к последней, третьей, парте среднего ряда.

– Тебе повезло. Вот здесь свободно, со мной будешь сидеть.

Он уселся и кивнул на соседний стул, на спинке которого вообще-то висела чья-то сумка с логотипом крокодильчика, а на столе с той стороны лежал учебник английского. Андрей взял его и перекинул на соседнюю парту.

– Э! Алё! В смысле – здесь свободно? Исаев, ты офигел? – возмутилась «звезда» и, оставив подружек, устремила к нам.

– Катрин, ты же любишь перемены, сама говорила. Так что какие претензии? – беззаботно ответил он.

– Придурок, – прошипела она обиженно, сдернула сумку и, метнув в меня злющий взгляд, села за другую парту, через проход от Андрея.

– Остынь, – хмыкнул он.

Она развернулась к нему, но сказать ничего не успела. Раздался звонок, и тут же в кабинет влетела женщина, миниатюрная блондинка лет сорока. Светлые волосы, гладко зачесанные и собранные в пук на макушке, скучная блузка с воротником под самое горло и очки ненавязчиво намекали, что она – дама строгих правил. На деле оказалось всё ещё хуже.

С порога она начала тараторить на английском. В общем-то, прежде проблем с языком у меня не было – мама следила. Но речь этой «англичанки», больше похожую на пулеметную очередь, мой слух попросту отказывался воспринимать. Я успевала выхватывать лишь отдельные слова и сидела как пень, уповая на то, что меня, новенькую, ни о чем пока спрашивать не будут.

Но нет. Едва она заметила меня, как сразу же велела подняться и... забомбила вопросами, из которых я только и уловила: как тебя зовут, откуда приехала и расскажи о себе.

– My name is Dasha, I'm seventeen, I'm from Zarechensk*, – облизнув пересохшие от волнения губы, произнесла я и замолкла. Что еще сказать? Я и по-русски на такое: «расскажи о себе» всегда теряюсь, что ответить.

Англичанка несколько секунд ждала, потом начала раздражаться, а затем и вовсе разразилась недовольной речью. Видя, что я ее не понимаю, она вдруг перешла на русский:

– Плохо, очень плохо. И что за жуткое произношение?

– Зареченское, – высказалась с места «звезда». Ее подруги негромко прыснули.

Неприятно, конечно, но зато англичанка сразу переключила свое внимание с меня на нее.

– I see you're dying to answer**.

Однако позлорадствовать мне не удалось. Она отвечала быстро, бойко и наверняка правильно. Англичанка, хоть и выглядела по-прежнему раздраженной, но её не поправляла, а в конце процедила:

– Садись, Черемисина. Хорошо. Но впредь открывай рот только тогда, когда я спрашиваю.

После «звезды» англичанка устроила блиц-опрос всем остальным. И при каждом неверном ответе выходила из себя. Слава богу, меня она больше не трогала, но до конца урока я находилась в диком напряжении, как, впрочем, и большая часть класса.

Один Исаев сидел как на отдыхе, на её вопросы флегматично отвечал «I don't know», а на ругань вообще никак не

реагировал.

– Ну что? Выжила? – усмехаясь, спросил он меня после урока. – Считаю, прошла инициацию. Пойдем на алгебру. Там можно дышать свободно. Класснуха у нас вообще зачёт.

– Исаев, ты в няньки к новенькой записался? – ехидно пропела «звезда».

Он лишь коротко рассмеялся и бросил:

– Не ревнуй, Катрин.

– Пфф. Не мечтай, – фыркнула она.

Кабинет математики оказался в два раза больше, да и народу в классе заметно прибавилось.

– А почему их на английском не было? – спросила я у Андрея, который и тут усадил меня рядом с собой.

– Так они французы. У них был френч. А у вас что, на иностранном класс пополам не делили?

Я уж не стала говорить, что нас в том классе было всего тринадцать. Кого там делить?

– Ладно, обживайся, – подмигнул мне Андрей. А сам, оставив сумку на парте, поднялся и вышел из кабинета. Следом за ним увязалось ещё двое парней.

– А в вашем Зажопинске вообще был иностранный? – снова прицепилась ко мне эта неугомонная Катрин, как только Андрей скрылся. Девчонки, окружавшие ее полуколымом, обернулись, глядя на меня насмешливо. – Каким ветром тебя вообще к нам занесло? Сидела бы в своем Зажопинске.

Я вспыхнула. Честное слово, мне не хотелось ни с кем ссо-

риться, не хотелось наживать врагов, но эта Катрин, или как там её, упорно напрашивалась на грубость.

– Тебя забыла спросить.

– Надо будет – спросишь.

– Угу, жди. У тебя что, какие-то проблемы из-за меня?

– У меня?! Из-за тебя? – рассмеялась она. – Да ты фантазерка. В вашей деревне все такие?

– Ну а чего ты тогда так бесишься?

– Кать, ну правда, что ты пристала к человеку? – подал голос паренек, которого я не сразу заметила. Весь из себя лощеный, даже какой-то аристократичный, в тонких очках, он конкретно смахивал на сноба и отличника.

Она взглянула на него с кислым видом и, фыркнув, проворчала:

– И этот туда же.

Потом отвернулась к подружкам и больше меня не задира. Я в благодарность кивнула пареньку в очках и улыбнулась. Он тоже улыбнулся, но очень сдержанно, даже натужно, как будто из вежливости, но нехотя. Точно, сноб, решила я.

Вместе со звонком в кабинет впорхнула математичка. Она оказалась совсем молодой, старше нас от силы на пять-шесть лет, и хорошенькой. Пепельные кудряшки, голубые глаза, яркие губы. Прямо кукла Барби. Меня она терзать не стала, наоборот, сказала: сиди, слушай, включайся пока.

Андрей Исаев опоздал минут на десять. Вероника Владеновна как раз объясняла новую тему, вычерчивая функ-

ции у доски. Прервавшись, математичка нахмурилась, когда отворилась дверь, но, увидев, что это он, изменилась в лице. Мне даже показалось, что она ему еле заметно улыбнулась и не стала делать замечаний, вообще ничего не сказала, только махнула рукой, мол, проходи быстрее.

Он плюхнулся рядом, обдав меня своим запахом. И я поймала себя на мысли, что рада ему.

После шестого урока Вероника Владленовна попросила меня задержаться. Расспрашивала, по каким учебникам мы учились, какие темы прошли, как вообще у меня с математикой и другими предметами. Я честно ответила, что в математике не блещу, что я – чистый гуманитарий.

– Ну, придется стараться, – пожала плечами Вероника Владленовна. – На ЕГЭ тебя не спросят, гуманитарий ты или нет.

Я пообещала, что буду, и она отпустила меня на все четыре стороны. В коридорах было тихо и пусто – как раз шел седьмой урок. Я спустилась на первый этаж, пересекла фойе и вышла на крыльцо... где меня поджидали девочки из класса во главе с Катрин.

– А вот и наша деревенщина, – объявила она.

Все разом повернулись ко мне.

– Наконец-то. А то мы уж заждались. Ну что, познакомимся поближе? – Катрин шагнула ко мне.

* Меня зовут Даша. Мне 17. Я приехала из Зареченска.

**** Вижу, тебе не терпится ответить.**

Катрин шагнула вперед, остановившись передо мной почти вплотную. Её подружки встали рядом.

Высокая, с короткой стрижкой под пацана, вперилась в меня равнодушным, тупым взглядом. При этом она беспрерывно работала челюстями, с хрустом поедая чипсы, которые горстями загребала из шелестящего пакетика. Одну бровь у нее пробивал черный гвоздик. И на ушах колечек – собьешься считать. А вообще, если б не юбка и не черный лак на коротких ногтях, я бы еще задумалась: девушка это или парень.

Вторая подружка то и дело искоса посматривала на Катрин, а потом поворачивалась ко мне, копируя позу и выражение звезды. Только ей, очень худой, даже костлявой и какой-то дерганой, не давались плавные движения подруги. Просто комедия на нее смотреть, правда сейчас мне было не до смеха, учитывая ситуацию.

Что они собираются делать? Бить меня? Толпой одну? Вот так сразу, в первый же день? Ни за что ни про что?

Совру, если скажу, что я не испугалась. Очень даже испугалась! Прежде никто меня и пальцем не трогал и, уж конечно, сама я тоже ни с кем не дралась. Так что отпор дать не сумею – и неважно, втроем они на меня накинутся или

вдесятером.

Сердце тяжело ухало в груди, и под ложечкой противно ныло от страха. И боялась я вовсе не боли, а унижения и позора. Это самое страшное. Потому вздернула подбородок повыше, чтобы никто не догадался, как я трушу.

Катрин демонстративно оглядела меня с головы до ног и состроила гримасу: «Боже, что за убожество».

Я с независимым видом попыталась их обойти, но подруга с чипсами несильно толкнула меня в плечо.

– Куда?

– Тебе же сказали, – влезла вторая подруга, повторяя даже интонацию Катрин, – познакомимся поближе.

Остальные девчонки топтались за спинами этой троицы. Наблюдали, кто со скукой, а кто и с любопытством, как будет проходить «знакомство поближе».

– Может, оставим всё так, как есть? А то, если честно, ты не в моем вкусе, – выпалила я Катрин в лицо.

В первую секунду она вскинула брови, а затем переглянулась с подругами.

– Что-то она слишком борзая для деревенщины.

Потом снова повернулась ко мне:

– Ау! Очнись. Ты уже не в своем Задрищенске, чтобы так борзеть.

– Да я ещё даже не начинала, – отчаянно блефовала я.

– Да ты, смотрю, вконец охреневшая. Ну, что, Ксюха, расскажем новенькой, как надо себя вести? – звезда поверну-

лась к той, которая поедала чипсы. – Подлечим немного от борзости?

– Легко, – дернув плечом, ответила она, не прекращая жевать.

– Ну что, пойдем за школу? Посмотрим, надолго ли твоей борзоты хватит, – едко улыбнулась Катрин.

Язык мой – враг мой. Хотела, чтоб вышло как в чеховском рассказе «Пересолил», а вышло как в «Хирургии».*

В этот момент из школы вывалились, галдя и размахивая рюкзаками, мальчишки, с виду класс шестой или седьмой. И сразу же заинтересовались нашей беседой. Замолкли, уставились на нас, приоткрыв рты. Ну замечательно... Ещё и при зрителях позориться.

– Ну? – насмешливо спросила Катрин. – Чего застыла? Идем?

Она развернулась и стала медленно спускаться с крыльца. Потом бросила взгляд через плечо и коротко скомандовала:

– Ксюха! Ну!

Эта девушка-парень Ксюха, не церемонясь, схватила меня за локоть и поволокла за собой, точнее, за Катрин.

Я выдернула локоть, прошипев:

– Руки убери! Без тебя дойду.

– Ну так двигай, а не стой столбом, – чавкая, отозвалась она.

От крыльца вправо вдоль школы уходила дорожка, выложенная плиткой. По ней меня и повели как под конвоем.

Остальные девчонки из класса поплелись следом, некоторые – явно без особого желания, но, видимо, перечить местной звезде хотелось ещё меньше.

Я же шла и лихорадочно соображала, как буду обороняться. В том, что меня станут бить – никаких сомнений уже не было. Иначе зачем тащиться за школу? Даже у нас в Зареченске отношения выясняли за школой, правда, только пацаны и только класса до девятого.

Хоть бы там были камни или палки! Или какие-нибудь железки... Сумкой можно было бы отбиваться, но сейчас, без учебников, она весила всего ничего.

Мы обогнули правое крыло школы и остановились рядом с какой-то одноэтажной пристройкой, на двери которой зачем-то висел дорожный знак «въезд запрещен». Я незаметно обшарила взглядом округу, но ничего, подходящего для защиты, не обнаружила.

Катрин, да и все остальные девчонки, почему-то поглядывали на дверь, куда въезжать запрещено.

– А Исаева нет в тепличке? – спросила одна из девчонок, кивнув на пристройку.

– А я знаю? – как-то слишком резко отозвалась Катрин. – Я что, его пасу?

Потом переключилась на меня.

– Ну что, новенькая, слушай и запоминай правила. Ты здесь никто и звать тебя никак. Тебя должно быть не видно и не слышно. Ходишь – не отвечаешь, ни на кого не смот-

ришь. Пока тебя не спросят – голоса не подаешь. Ясно?

Ну что мне стоило сказать «ясно» и послушно потупить глазки? Но нет же, гонор лезет даже тогда, когда я сама этого не хочу.

– Ясно, – ответила я совсем не тем тоном, что ждала Катрин. С вызовом, короче, ответила, а потом ещё и прибавила: – А самое главное правило, видимо, это отсесть от Исаева? И не разговаривать с ним ни за что и никогда?

Она сию секунду вспыхнула, но сразу же взяла себя в руки.

– Ты что, бессмертная? Не боишься, что мы тебя прямо сейчас ушатаем?

Но тут я, неожиданно даже для себя, подалась к ней и, глядя в её глаза в упор, негромко произнесла:

– А ты не боишься, что я потом тебя встречу... как-нибудь вечером... когда ты будешь одна?

Катрин разразилась смехом.

– Девочки, вы слышали? Эта деревенская мартышка мне ещё и угрожает? Ксю, это вообще лечится?

– Проверим, – ее подруга, смяв пустой пакет из-под чипсов, швырнула его под ноги. И... без всяких предисловий резко и неожиданно вздернула локоть и саданула меня прямо в лицо. Я толком даже понять ничего не успела, только ощутила, как во рту появился привкус крови.

Эта дылда мне губу разбила!

Но если б только это! В следующую секунду она ухватила

меня так, что моя голова оказалась зажата в сгибе её локтя.

Катрин, сложив на груди руки, просто стояла и наблюдала.

– Ну что, новенькая, ничего не хочешь сказать?

И тут кто-то из девчонок её позвал:

– Кать! Там Исаев с Яриком... сюда идут...

Черт, только не это! Меньше всего я бы хотела, чтобы меня увидел Андрей в таком унижительном виде – раскоряченной, полусогнутой, в тисках этой дылды.

– Отпусти её, – велела Катрин, и дылда сразу убрала руки.

Я выпрямилась. Лицо горело, в ушах стучала кровь.

– Надеюсь, ты усвоила урок? – приблизившись ко мне, тихо сказала Катрин.

– Пошла к чёрту, – огрызнулась я.

– Ну и дура, – усмехнулась она и обернулась на звук приближающихся шагов.

Девчонки за её спиной расступились, пропуская Андрея и шедшего следом за ним паренька в очках. Того, что вступился за меня на перемене.

Он и сейчас держался немного отчужденно. В открытую ни на кого не смотрел, и лицо его абсолютно ничего не выражало. Полное безразличие ко всему. Единственное, когда он мазнул взглядом по дылде, на кратчайший миг я заметила в его глазах нечто похожее на презрение. Ну или отвращение.

Этот Ярик, конечно, сноб, судя по всему, но в одном мы уже сходимся, подумала я с долей удовлетворения.

– Что за сходка? – Андрей вроде бы просто подошел, про-

сто спросил, но со стороны это выглядело как наезд. И Катрин наверняка почувствовала то же самое, потому что сразу начала оправдываться:

– Мы просто разговариваем. Успокойся. Девчонки, скажите.

– Ничего такого, – забубнили они вразнобой. – Разговариваем.

Только дылда молчала, смачно нажевывая фруктовую резинку. Ярик снова мельком взглянул на нее, и снова на его лицо еле заметной тенью легло презрение. Значит, не показалось.

– Катрин, что-то мне кажется, слишком до хрена ты стала последнее время разговаривать, – Андрей, похоже, прессовал звезду. Неужели из-за меня?

Она ему что-то отвечала, но я отвлеклась на Ярика. Он вдруг уставился на меня так, словно у меня усы выросли.

– Что? Что такое? – смутилась я.

Неожиданно он тоже смутился. Ну, во всяком случае, было похоже на то – светлая кожа на скулах порозовела, а сам он чуть растерянно сморгнул.

– У тебя вот тут... – он тронул у себя нижнюю губу. – Кровь...

Я облизнула, потом обтерла тыльной стороной ладони.

– Всё?

Он отвернулся, не глядя на меня, кивнул. Всё же странный тип этот Ярик.

Андрей шагнул ко мне. Посмотрел в глаза, потом и он опустил взгляд на мои губы. И ведь просто взглянул, не коснулся, а ощущение возникло такое, словно он меня потрогал. К щекам тут же непрошено прихлынул жар.

– Ну что? Ты как? – спросил он. – Жить будешь?

Черт, глаза у него черные как горький шоколад. Расплавленный, вязкий, обжигающий. Казалось, эта чернота гипнотизирует, затягивает, обволакивает... Бред какой-то. Но, честное слово, никогда я так не залипала на простой взгляд.

– Надеюсь, – пробормотала я, как в полусне. И поспешно отвернулась, осознав, что непозволительно долго на него пялюсь.

– Это радует, – хмыкнул он. – Пойдем?

– Ты чего такая замороченная? Утром вроде пободрее выглядела, – потягивая через соломинку ананасовый сок, спросил Андрей.

Мы сидели за столиком в кафе. После стычки с одноклассниками он взялся проводить меня вместе с Яриком – мы все, как оказалось, жили в одной стороне, в соседних домах.

Хотя Андрей собрался провожать меня, ещё не зная, что нам по пути. Такое его внимание меня, конечно, смущало, но и приятно было, чего уж скрывать. Так что я отказываться не стала.

Домой мы пошли пешком, а когда проходили мимо гигантского (ну, по меркам Зареченска) здания с множеством всевозможных вывесок, Андрей заметил моё любопытство и предложил «прошвырнуться по торговому центру». Мне и правда, было интересно.

Часа два мы бродили по просторному сверкающему залу с бесконечной вереницей павильонов, которые, наверное, за день не обойти. Кое-куда заглядывали, по-моему, раздражая своим визитом продавцов и охранников. Во всяком случае, те чуть ли по пятам за нами не ходили, как будто мы – воры. А в одном из бутиков даже случился казус.

Мы забурились в магазин игрушек. На одном из стелла-

жей среди всякой ерунды лежала пластиковая корона. Ярик кивнул на неё и в шутку сказал Андрею:

– Уж не ты ли забыл?

Андрей тут же нахлобучил игрушечную корону на макушку, подошел к манекену – мальчику с протянутой рукой, – пожал пластмассовую ладонь и произнес, точно как в фильме "Иван Васильевич меняет профессию":

– Очень приятно, царь.

Мы засмеялись, но тут же все трое оторопели, потому что рука манекена вдруг отделилась от туловища. И тотчас как из-под земли возник охранник:

– Ах вы паршивцы! – ринулся он на нас. – Вандалы! Сво-
лочи! Я вам щас покажу!

– Мы не специально, – воскликнула я испуганно.

– Валим отсюда, – скомандовал Андрей, сунув руку манекена случайной покупательнице.

В общем, еле ноги оттуда унесли. Переволновались жутко, ну я, по крайней мере. Зато потом хохотали как сумасшедшие, до слез. Даже Ярик выдавил смешок.

Затем Андрей позвал перекусить. Мы поднялись на эскалаторе на третий этаж. Они усадили меня за свободный столик, а сами куда-то ушли. Кругом сияли вывески: бургер кинг, баскин роббинс, суши, пицца... Всюду сновали люди, с подносами, без подносов, и я в этом столпотворении попросту потеряла из вида парней. И уже успела занервничать, пока они наконец не вернулись с напитками и едой на троих.

– Сколько и кому я должна? – спросила я, холодея внутри, потому что денег у меня с собой было... ну, может, только на сок.

– Никому и нисколько, – отмахнулся Андрей, придвигая ко мне поднос с гамбургером и пакетиком картошки. – Это же мелочь.

Ярик поддакнул, потом пробурчал, что ему надо помыть руки, и ушёл.

– Ешь, а то остынет, – повторил Андрей, но я отказалась, соврала, что не хочу. Только один сок и цедила, чтобы уж совсем не сидеть как дура.

Андрей посмотрел на меня, чуть прищурившись. И я снова зарделась – от его пристального взгляда, в котором искрилась потаённая улыбка, от его неприкрытого интереса, от того, что мы с ним рядом, наедине. Ну, почти. Пока Ярик не вернулся.

Заметил ли мое смятение Андрей или нет, но стал разглядывать меня ещё откровеннее, перекатывая соломинку между губами. Затем выпустил её и едва заметно улыбнулся. Не мне, чему-то своему...

Губы у него были яркие и припухшие. На ум ни к селу ни к городу пришла Нелька, бывшая моя подруга – вспомнилось вдруг, как она подучивала меня и девчонок, кажется, классе в седьмом, а то и в шестом, как сделать губы сексуальными. Ну, то есть такими, чтобы всем хотелось их поцеловать.

«Надо их немного искусать. Не погрызть до крови, а слег-

ка пошоркать зубами», – объясняла Нелька свой секрет красоты и показывала, как надо делать. Полминуты – и ее губы, бледные и узкие от природы, действительно темнели и чуть-чуть опухали. Но тогда мне это казалось неприятным.

А вот на губы Андрея смотреть было немного стыдно и волнующе. Потому что в голову сразу непрошено лезли мысли... тоже стыдные и волнующие.

Господи, совсем с ума сошла, одернула я сама себя. Что я, никогда раньше симпатичных парней не встречала? Не замечала разве на себе чужого внимания? Встречала и замечала.

И тут же подумалось, как назло: таких вот – нет. Не встречала. Чтобы и классный, ну, в смысле, притягательный по всем фронтам, красавчик, короче; и крутой – типа всё ему нипочём; и благородный. Помогать, защищать и всё такое – это же благородно!

Я мечтательно улыбнулась, но тут же опомнилась. Мда, знал бы он, как я в мыслях тут его расписываю, в герои уже зачислила...

Андрей, не сводя взгляда, отодвинул свой сок, наклонился через столик ко мне поближе и спросил:

– Ну так что?

Чёрт, мне показалось, или его голос и в самом деле прозвучал как-то по-особенному? Чуть ниже, чуть тише, чуть глубже. Интимнее... Так, что кожу на шее слегка подернуло мурашками.

– Что с тобой, Даша Стоянова?

Имя мое он произнёс как бы с ударением и при этом чуть растягивая, словно пробовал его на звучание. Я растерялась и не нашлась, что ему ответить.

Мне Андрей нравился, врать себе я не стала бы. Да что уж, понравился он мне ещё в школе, практически сразу. Но он так сильно отличался от всех парней, кого я знала. Его повадки, его внимательный полунасмешливый взгляд, его манеры – всё это меня слегка обескураживало.

Да, он держался доброжелательно, просто и естественно, но при этом так, будто насквозь меня знает. Причём давно. Никакой неловкости, ну или хотя бы сдержанности, которая бывает в первое время между чужими людьми, он явно не испытывал.

И, по ходу, такой он не только со мной, а вообще. Есть люди, которые всегда и везде чувствуют себя как дома. И вот он, очевидно, из их числа. А я не такая. Мне нужно немного времени. Мне нужно узнать человека поближе, чтобы общаться вот так запросто.

К нам вернулся Ярик. Вот уж кто полная противоположность Андрею. Он со мной почти не разговаривал. Лишь изредка, когда Андрей к нему обращался: «Яр, скажи», он или кивал в знак подтверждения, или отвечал односложно. Но самое забавное, что я его стеснялась гораздо меньше, чем Андрея.

– Или тебе из-за Катрин взгрустнулось? – продолжал допрос Андрей. – Если так – забей. От неё много шума, но вре-

да особого нет, да, Яр?

Ярик кивнул. Бросил на меня быстрый взгляд и снова уставился на свои пальцы, длинные, изящные, с аккуратным маникюром, про такие говорят – музыкальные.

– Ты случайно не занимаешься музыкой? – обратилась я к Ярику, чтобы наконец сменить тему.

Не глядя на меня, Ярик покачал головой – нет, не занимается. Андрей хмыкнул, вроде как слегка удивился моему вопросу.

– Просто руки как у пианиста, – пояснила я.

– Как у шахматиста, – улыбнулся Андрей. – Ярик у нас почти гроссмейстер. Все городские турниры взял, ну и не только.

– Круто! – искренне восхитилась я. Для меня подобные таланты просто за гранью.

Ярик снова порозовел, как тогда за школой, но и улыбнулся. Мне очень хотелось спросить, чем занимается сам Андрей, но тут уж я не осмелилась. Он и так, по-моему, просёк, что мне нравится. Пришлось снова терзать Ярика.

– У тебя, наверное, и с математикой отлично?

Ярик не то кивнул, не то повел плечом.

– И не только, – снова за него ответил Андрей. – Ярик у нас вообще круглый отличник. Мегамозг.

Почему-то мне не очень понравился его тон. Как будто он говорил с издевкой, а, может, просто показалось. Или это какой-то им двоим понятный прикол. Ярик взглянул на него

и качнул головой с усталостью и легким снисхождением.

– Респект, – пробормотала я, и чтобы разрядить внезапно возникшее напряжение, вспомнила про Эльзу Георгиевну: – Кстати, а почему вы директрису зовете безобразной Эльзой? Только из-за имени или ещё почему-то?

Я взглянула сначала на Андрея – он ведь за всех сегодня говорил. Но он смотрел на Ярика с таким видом, будто ему вдруг стало весело.

– Яр, ты не знаешь, почему? – спросил с усмешкой.

– Не знаю, – ответил тот бесстрастно. Потом поднялся: – Я пойду возьму мороженое.

– О, давай, – продолжал ухмыляться Андрей. – Мне – шоколадное.

Запнувшись на моем имени, Ярик все же спросил:

– Даша, тебе какое?

– Что?

– Какое будешь мороженое? Ну, там клубничное или...

– А-а, да любое, – обронила я, забыв о своем правиле не угощаться за чужой счёт. Просто у меня возникло невнятное ощущение, будто сейчас что-то произошло. Или же будто за их внешним диалогом скрывалось что-то большее. Впрочем, ничего ведь удивительного – они друг друга знают сто лет, конечно, у них есть свои тайны и, конечно, они понимают друг друга без слов.

Тем не менее, когда Ярик отошел, я поинтересовалась:

– Мне показалось, или вы сейчас что-то своё имели в ви-

ду?

– Показалось.

– Но ты смеялся, а он весь как-то натянулся...

– Как тут не натянешься? Безобразная Эльза – его мать, – беззаботно сообщил Андрей.

– Мать? – охнула я. – Seriously? Ярик – сын директрисы?

– Получается, что так, – улыбнулся Андрей. – Да не парься. Яр давно знает про ее кликуху. Он не обижается.

Я сидела ошарашенная. Как же неудобно вышло! Зачем я только ляпнула про неё! Ярик принес мороженое в рожках и, на удивление, он и правда совсем не выглядел огорченным или сердитым. Но я все же промямлила:

– Прости, пожалуйста... так глупо получилось... мне ужасно неловко...

– Ничего, – улыбнулся он. – Всё нормально. Всё хорошо.

Я сделала вид, что поверила, но в душе все же осело какое-то смутное беспокойство.

После торгового центра мы пошли домой. От натянутости и недосказанности не осталось больше ни следа. И тревога тоже улеглась. Мы всю дорогу болтали, вспоминали оторванную руку манекена, побег от разъяренного охранника, смеялись. Даже Ярик немного разговорился. Заявил в шутку:

– Оказывается, опасно пожимать тебе руку, Андрюха. Ещё без руки останешься.

– А то! По тонкому льду ходишь, – подыграл ему Андрей, смеясь.

Возле детской площадки мы остановились.

– Мне туда, – показала я влево. – А вы где живете?

– Вон там, – Андрей кивнул на высотку в противоположной стороне. – Ну ладно, Яр, давай.

Ярик на миг растерялся:

– А ты...?

Но потом, видимо, сообразил и снова немного смутился.

– А-а, ну да... Пока, Даша, – расщедрился он на улыбку, теперь уже полноценную.

Я тоже улыбнулась ему от души. Хорошо ведь время провели, ну и неловкость из-за его матери лишний раз хотелось загладить.

Андрей проводил меня не только до подъезда – мы поднялись с ним на наш этаж.

За день я раз десять смущалась из-за него – то его нескромный взгляд вгонял меня в краску, то слова... Но всё это даже не сравнится с тем волнением, что я пережила, пока несколько секунд ехала наедине с ним в лифте. А ведь ровным счетом ничего не происходило. Он просто стоял за моей спиной, не касаясь, ни слова не говоря. Стоял, дышал, гипнотизировал мой затылок – это я украдкой засекла в отражении. А я разнервничалась так, что потом достала ключи и тут же их выронила.

Впрочем, дома оказалась мать. Заслышав шум, она открыла дверь.

– Здравствуйте, – улыбнулся ей Андрей.

Она его проигнорировала. И лицо скроила такое, что я сразу поняла – происходящее ей очень не нравится и, значит, жди очередной вынос мозга.

– До свидания, – попрощался с ней Андрей и опять без ответа, только его это, похоже, ничуть не задело. Уходя, он подмигнул мне и тихо бросил: – Увидимся завтра...

Господи, какой ужас, что у меня тут нет своей комнаты! Негде, совершенно негде уединиться! Это меня ещё вчера напрягало, когда мы с матерью общались спокойно, а сегодня я готова была взвыть. Вот правда, хоть из дома беги.

Сначала, когда я только вошла домой, она со мной демонстративно не разговаривала. И это не то молчание, когда просто неохота говорить, и поэтому тихо.

Ее молчание было негодующим, кричащим, клокочущим. Она ходила по квартире, что-то делала, перекладывала вещи, готовила ужин с каменным лицом, плотно стиснув губы. На заострённых скулах проступили пунцовые пятна – так всегда, когда она обижалась или злилась.

Подразумевалось, что мне станет плохо от ее игнора, что я должна первая нарушить молчание, попросить прощения и выслушать тонну нравоучений. Так оно и бывало прежде, потому что я обычно страдала, когда мама, обидевшись, меня «не замечала». Ну и отец подзуживал – извинись, помирись.

А сейчас вдруг поняла – не хочу! Не хочу извиняться, потому что ничего дурного я не сделала. Не хочу выслушивать ее... нет, не ругань. Мать никогда не ругается – она пилит. Или сверлит... мозг. В любом случае, ничего этого я не хочу.

И вообще, я тоже зла на неё за то, что она не поздоровалась с Андреем. Пусть она его не знает, пусть ему не рада, но это же элементарная вежливость! Мне перед ним до сих пор из-за неё неловко. Я даже хотела написать ему в мессенджере, поблагодарить за всё, ну и извиниться за маму. Но хотя это и он предложил обменяться номерами, первой писать ему было неудобно. Вдруг решит, что я на него так сразу запала и навязываюсь теперь?

– Садись ужинать, – процедила мама, все ещё сердясь на меня.

На ужин она сварила макароны. А к макаронам – сосиски. Без особого желания я подошла к столу, взгромоздилась на высокий табурет, села напротив матери. Сразу вспомнила гамбургер и картофель фри, от которых отказалась. Рот наполнился слюной, но макароны от этого аппетитнее не стали.

– У нас есть кетчуп? – спросила я.

Мать на мой вопрос не ответила, лишь подняла на меня глаза и смерила долгим, осуждающим взглядом.

– Ну или горчица? Есть?

Мать отшвырнула вилку, и я поняла: всё, сейчас её про-рвёт.

– А совесть у тебя есть?

– А что такого бессовестного я сделала?

– А ты не понимаешь?

– Не понимаю! – запальчиво воскликнула я.

– По-твоему это нормально в первый же день приводить

домой мальчика?

– Я не собиралась приводить его домой. Андрей просто меня проводил.

– Андрей, значит...

– Да, Андрей. А как я должна его называть, если это его имя?

– Почему вообще он тебя провожал?

– А почему бы и нет?

– Нет, ты издеваешься, я не пойму? Сколько раз я тебе говорила... Сколько объясняла... Но ты, конечно, думаешь, что знаешь всё лучше всех.

– Ничего я так не думаю.

– Личного горького опыта захотелось? – Мать прищурила глаза. – Правильно, зачем учиться на ошибках других, лучше наделать собственных. Только вот знай, что после такого опыта вся жизнь порой идёт наперекосяк. Вот тогда ты поймёшь, что мама была права. Что мамины советы от многих бед бы тебя избавили. Но будет уже поздно.

– Мама! Ну какие беды? Какой горький опыт? Андрей всего лишь проводил меня до дома! – выпалила я и тише добавила: – Раздуваешь из мухи слона.

– Всего лишь! Утром ты даже не знала о его существовании, а через несколько часов приводишь чужого к себе домой... всего лишь. А ты знаешь, что он за человек? Что у него на уме? Ты знаешь, на что он способен? Нет! Не знаешь!

– Это мой одноклассник. Мы с ним сидим за одной пар-

той! Он нормальный парень.

– Все они, как посмотришь, нормальные. Ни у кого на лбу не написано «подонок». Только откуда-то потом берутся девчонки, которых бросили, обидели... изнасиловали.

Мать всегда всё сводит к личной трагедии. Она как будто уверена, что по-другому и быть не может. И мне её жалко, честно, но я уже так не могу. Это ее опека как гирия. Да и вспоминать её слова, что мой отец безымянная мразь, невыносимо. Нет, не буду об этом думать, не хочу...

– Мам, ну если тебе не повезло, это же не значит, что все кругом подонки и насильники...

Вот зря я это сказала. У неё сразу же такое лицо сделалось страшное.

– Не повезло? Ты считаешь, то, что с нами произошло – это невезение? Знаешь, когда у тебя сил нет просто жить, когда утром вставать не хочется, а ночью мечтаешь уснуть и не проснуться – это... – мать, разнервничавшись, с трудом подбирала слова, сбивалась. – Мы еле выкарабкались. Марина дочери чуть не лишилась тогда. До сих пор это нам обеим аукается... Ваня вон... А ты... невезение...

– Какой дочери? О чем ты? Вам тогда по восемнадцать было!

– Тогда – да. А спустя много лет, когда у Марины уже была её Оля... когда она сама заняла должность директора гимназии, кто-то раскопал то видео и разослал по интернету... – Мать осеклась, посмотрела на меня напряженно.

Да, про то, что их снимали тогда, она мне не говорила. Рассказала Марина, но я уж её сдавать не стала.

– В общем, такое ломает жизнь и тебе, и твоим близким. И даже спустя много лет оно не проходит...

– Пусть так. Но Андрей тут при чем? Говорю же, он всего лишь мой одноклассник.

– А ты думаешь, раз школьник, то опасаться нечего? Я вот сегодня встречалась с учительницей, которая до меня вела мой новый класс. Мне надо было по делам с ней переговорить. Так она мне такого понарасказывала! В прошлом году девочки из этого вот класса побили свою подругу только за то, что она плохо одевалась. Девочки! Они же маленькие еще! А про мальчиков и говорить нечего. А уж про старшеклассников... Это там у нас народ простой и то... А здесь люди не такие, здесь...

Мать замолкла, потому что сама не знала, какие тут люди. У нее везде они плохие.

– Андрей не станет меня бить за то, что я плохо одета.

– Не передергивай! Ты прекрасно знаешь, что я имела в виду. Я просто привела частный пример как показатель...

– Я тоже.

– Да дело-то даже не в Андрее. Дело в тебе. Тебя никто никогда не обижал, дай бог так оно и будет... Ты не знаешь, какими жестокими могут быть люди. Ты слишком наивна. И за это можешь потом поплатиться.

– Да где я наивна? – возмутилась я. В моем понимании

наивна – то же что и дура, только вежливее.

– Ну а что? Красивый, видный мальчик тебе улыбнулся, проявил внимание, и ты уже готова тащить его домой. Это глупость... в лучшем случае.

– А в худшем? – ошетибилась я.

– А в худшем... это бесстыдство. Но я надеюсь, моя дочь не такая. А вот он...

– Мама, всё! – не выдержала я. – Ты его не знаешь!

– И ты его не знаешь.

– У тебя все плохие, все подонки! – повысила я голос, выходя из себя. – Мне что, теперь от всех шараться?

– Ну, по крайней мере, не водить кого попало домой! И если ты сама не понимаешь, то я запрещаю тебе...

Я умчалась в ванную, задвинула шпингалет. С неё бы пришлось ворваться следом.

Я села на холодный бортик, чувствуя, как меня буквально всю внутри трясет. Спустя секунду мать подергала ручку, затем стала что-то выкрикивать под дверь. Тогда я включила воду, чтобы не слышать ничего. Чтоб голос её не слышать. Потому что ещё чуть-чуть и я бы, наверное, сорвалась, нагрубила ей, и тогда наша ссора растянулась бы на много-много дней.

Лишь немного успокоившись, я вышла из ванной и сразу стала разбирать раскладушку.

– Я спать, – буркнула я, не глядя в её сторону.

Меня до сих пор распирало от обиды и раздражения. Ка-

кой уж там сон! Но коротать с ней целый вечер, да хотя бы час – боже упаси.

Мать села писать планы на кухне, а я легла на скрипучую узкую раскладушку, укрывшись одеялом с головой. Типа мне мешает свет.

На самом деле я снова чуть-чуть всплакнула. Какое она имеет право вот так со мной? Испортила мне такой чудесный день!

И словно в ответ на мои мысли телефон коротко прогудел и стих, а на экране высветилось окошко сообщения. Сердце тут же дернулось и заплясало. Андрей! Прикусив нижнюю губу, я улыбнулась. От обиды, раздражения и злости не осталось и следа.

Хотя он написал-то всего лишь:

«Проверка связи»

Мысли лихорадочно завертелись: что ему ответить? И надо ли что-то отвечать?

Пока я металась, он прислал ещё одно:

«Чем занимаешься?»

И опять: господи, что написать? Спать легла? В половине девятого вечера? Потому что с мамой поругалась из-за тебя? Нет, это тупо. А что? Читаю, уроки делаю? Скажет ещё, зануда. Блин...

«Ну ладно, ты там, видать, занята. До завтра»

Блин...

Но настроение все равно стало отличное, хоть пляши.

Воодушевленная, окончательно забив на сон, я его загулила и поняла, что Андрей вполне себе дружит с соцсетями. Сначала я зависла в его инсте.

А фотографироваться, судя по количеству снимков, Андрей любит, но не позирует. Все фотки были просто как кадры из жизни. И везде он с кем-то: вдвоем, втроем, целой компанией. Причем даже в толпе он один притягивал к себе взгляд. Не потому, что нравится мне. Просто сразу было понятно, что он там заводит. Всюду он в центре внимания. Остальные как бы тусуются вокруг него. В общем-то, в классе у меня такое же сложилось ощущение...

Со стыдливым удовольствием я разглядывала его, отдыхающим на пляже. Вот он в шортах и в майке, вот уже без майки, вот вообще только в плавках. Стройный, загорелый, улыбается белоснежно. И вокруг – белый песок, пальмы, бирюзовая синь... судя по подписи, Карибского моря. Круто!

И наряду с такой красотой было полно фоток с обычных молодежных гулянок. Типа вписок, но в каком-то жутко затрапезном месте. Даже для меня, не избалованной красивыми интерьерами. Андрей с друзьями, кажется, нашими же одноклассниками, сиял на фоне поломанной мебели и грязных облезлых стен, оклеенных дешевыми плакатами с голыми дамами.

Ну да ладно.

Пролистав снимки на год-два назад, я с удивлением обнаружила, что он, оказывается, спортсмен. Хоккеист. То есть

не просто гоняет на катке с клюшкой, а всё серьезно. Ледовый дворец, трибуны с болельщиками, игроки при полной хоккейной амуниции. Особенно мне понравилась фотка, где Андрей, видать, уже после матча, стоит, улыбаясь, держит в одной руке шлем, а в другой – медаль. Взмокшие волосы облепили лоб, черные глаза блестят, сам он раскраснелся, но такой счастливый, прямо сияющий.

После инстаграма я сунулась в вк. Там он тоже обитал. Фотографий на его странице было гораздо меньше, но зато имелись совсем свежие. Их я тоже просмотрела, заодно прочитала и все комментарии под ними. А их – комментов – под каждым фото очень много и лайков чуть ли не как у селебрити. По несколько сотен. Черт! Я нечаянно задела злополучное сердечко и поставила лайк, причем фотке, которую ни за что бы не лайкнула. Он там полуголый – виден только торс, приоткрытые губы и полупьюный взгляд. После бани, наверное. Хотя в комментах писали всякое другое...

Лайк я быстренько сняла, пока он не в сети. И тут же под его именем загорелось: онлайн. Я опомниться не успела, как он прислал запрос в друзья, а следом – сообщение:

«Привет. Что, понравился и сразу разонравился?»

Надо ж было так впалиться с этим дурацким лайком!

«Нет, просто нечаянно задела...»

Глупо, конечно, на полном серьезе объясняться, но что еще ответить – я опять не знала.

«Я тебе писал в вайбере...».

А я об твой инстаграм глаза смозолила, но написала другое. Соврала:

«Да, я только что увидела твои сообщения».

«Ну так чем занимаешься?»

Господи, опять я начала волноваться. И опять не могла придумать интересного ответа. А так хотелось выдать что-нибудь... ну, если не остроумное, то хотя бы не тупую банальщину. А на ум, как назло, вообще ничего не приходило.

«Ничем особенным», – наконец разродилась я.

«Ты смотришь мои фотки. А говоришь – ничем особенным».

Я послала ему смайлик.

«А я вот только домой притащился. Чинили с отцом квадроцикл»

И что я должна на это сказать? Ни одной идеи... Господи, я и не подозревала, что могу так тупить. Я снова отправила смайлик.

«Я шлю смайлы, когда писать в лом или вообще чел мне неинтересен. Мне есть о чем задуматься?»

«Когда чел мне неинтересен, я вообще ничего ему не шлю»

«Жестокая женищина»

«Наоборот!»

«Наоборот? Добрый мужик?»

Я несколько раз набирала ему ответ, потом перечитывала и стирала.

«Ладно, извини. Тупая шутка. Просто сегодня классно

так было. Короче, мне понравилось, ну и вообще)», – не дождался моего ответа Андрей.

На этом его незатейливым признании рухнули все мои воображаемые бастионы.

«Мне тоже понравилось»

«Можем повторить»

«Когда?»

«Да хоть завтра, после школы. Пойдем?»

Но ответить я не успела. Увлеченная нашим диалогом, я не слышала, как мать меня позвала, может, даже не раз. Очнувшись я только, когда она сдернула с меня одеяло и застучала в позу эмбриона с телефоном в руке и с глупой улыбкой во всё лицо...

Мать вырвала у меня из руки телефон, но ненадолго. Я пулей подскочила с раскладушки, кинулась к ней и отобрала.

– Ну давай, ещё ударь мать! – оскорбилась она.

– Ты не имеешь права читать чужие сообщения!

Всю переписку она, конечно, просмотреть не успела, но с кем я переписывалась – наверняка засекала.

– Имею! Пока я за тебя отвечаю...

Переругиваться с ней можно было долго, но я просто вернулась под одеяло и отвернулась к стене. Нет, я определенно уйду из дома, как только закончу школу. Иначе точно сойду с ума.

Однако несмотря на вечернюю стычку с матерью, утром я впервые за последнее время встала в хорошем настроении. Ну а когда достала из-под матраса телефон, куда припрятала его вчера от матери, – и вовсе расцвела.

Андрей мне, оказывается, потом ещё писал!

«Ну что скажешь? Можем, кстати, в другое место пойти. Есть ещё один ТЦ в двух остановках. Там кинозал зачётный»

«Или у тебя на завтра планы?»

«Ну? Даже смайл не пришлешь?»

«Ладно) До завтра»

«Сладких снов!»

Закрывшись в ванной, я два раза перечитала его сообщения. Наулыбалась вволю, чтобы выйти из ванной с серьезной миной и не вызвать лишних подозрений у матери. И от завтрака я отказалась, чтобы потом не идти с ней в школу. На улице она не стала бы меня пилить, конечно, но сейчас мы находились с ней на абсолютно разных волнах. Я радовалась, даже ликовала. Может, это и эгоистично, и безрассудно, но что поделать...

И хорошо, что пошла одна. Когда спускалась в лифте – снова звякнул телефон, оповестив о новом сообщении. И опять от Андрея!

«Привет). Во сколько из дома выходишь?»

«Доброе утро. Уже вышла, спускаюсь в лифте», – быстро набрала ему ответ.

«Черт, не успею»

Но успел. Догнал меня на полпути. Правда, и я плелась еле-еле, постоянно оглядываясь по сторонам и высматривая его. Так что в школу мы шли уже вместе.

– Ну, как настроение? – спросил Андрей, поглядывая на меня с каким-то заговорщическим видом: веселым и шальным.

– Нормальное, – поскромничала я, подозревая, что у меня на лице улыбка сияла как приклеенная.

– А после уроков что делаешь?

Я пожала плечами.

– Может, по городу прошвырнемся? Покажу тебе самые злачные места у нас.

– Я не против.

– Вот и отлично. А то ты вчера так резко замолкла, я уж подумал, что... Осторожно!

Андрей вдруг мягко, но уверенно приобнял меня за талию и притянул к себе. Вплотную. Я даже уткнулась носом в его грудь, вдохнула его запах, ахнула... и в ту же секунду, обогнав нас, мимо промчал какой-то пацан на велосипеде. А следом за ним – ещё один, постарше. То ли один убегал, а второй – гнался, то ли они устроили соревнования, но если б не Андрей, первый меня бы совершенно точно сбил.

Я облегченно выдохнула и только тут поняла, что до сих пор стою, к нему прижавшись, а его ладонь лежит у меня на талии. Тотчас зардевшись, я отстранилась и пролепетала:

– Спасибо.

– Не за что, – улыбнулся он многозначительно. – Мне было приятно.

Сказал он это таким тоном, что я покраснелась ещё больше.

Господи, какое счастье, что нас не видела мама, подумала я, но на всякий случай огляделась по сторонам – нет, её не было. Да она и вряд ли пошла пешком. Скорее всего, как вчера – на маршрутке.

Зато нас узрел Ярик. Он как раз подошёл к нам. Поздоровался со мной вежливым кивком, с Андреем – за руку.

– Вы чего это тут...? – замялся он. Наверное, постеснялся сказать «обжимаетесь» или что-нибудь в этом духе.

– Да какой-то упырь чуть Дашу с ног не сбил.

Ярик обеспокоенно взглянул на меня. И даже учтиво поинтересовался:

– Ты цела? Всё нормально?

– Да, да, всё хорошо.

У школьных ворот толпились парни из нашего класса и не только. Мы ещё подойти не успели, а они уже принялись наперебой восклицать: О! Андрюха! Здорово!

Исаеву улыбались, кто – радостно, кто – заискивающе. Ярику же просто пожали руку, молча, мимоходом, не задерживая на нем взгляд. Впрочем, на меня если и посмотрели некоторые с любопытством, то тоже недолго.

Всеобщим вниманием безраздельно завладел Андрей, абсолютно ничего для этого не делая. Тут же посыпались вопросы: Андрюха, ты чё вчера делал? Где был? Завтра идём к Чепе? Может, сегодня тусанём в тепличке?

– Насчет завтра – не знаю, пацаны. А сегодня – я пас, дело важное есть.

Он с улыбкой посмотрел на меня и подмигнул. Потом подошёл к другой группке парней, чуть в сторонке – с ними поздороваться и переброситься парой слов. А мы с Яриком как бесплатное приложение молча двинулись за ним. И тут кто-то за спиной негромко бросил:

– Чё, Андрюха, новенькую уже окучивает?

Вспыхнув, я обернулась. Парни смеялись между собой, и кто именно это сказал – было не понять. А даже если бы и поняла, что мне им предъявить? Да ну их, идиотов, решила я.

И тут же Ярик, который, очевидно, тоже расслышал эти слова, склонился ко мне и ободряюще произнес:

– Не обращай внимания. Кривошеин – просто придурок. Тупое быдло. И что попало вечно мелет.

– Угу, – кисло улыбнулась я.

– Серьезно! – повторил Ярик с неожиданным пылом. – Андрей бы не стал так... Ты ему на самом деле понравилась. Я же знаю.

– Откуда? – Вот сейчас с моей стороны это было уже, конечно, чистой воды притворство. Как сказали бы у нас в За-реченске, я просто скосила под дурочку. И мне стыдно, но что поделать, если разговор вдруг принял такой волнующий поворот. Сразу захотелось знать, неужто Андрей с Яриком поделился? Что, интересно, он ему про меня сказал?

– Ну я не слепой, вижу. Я же знаю Андрея, как никто. Да и вообще он не такой. Никого он не окучивает в принципе. Ему это попросту не надо. А вот ты ему действительно понравилась, так что...

Ярик, не договорив, замолчал, потому что к нам вернулся Андрей.

– Ты прямо нарасхват, – пошутила я, воодушевившись словами Ярика.

– Да не говори! – коротко засмеялся он. – Шагу не ступить.

Та же история повторилась и в школе. Пока мы добрались до кабинета математички, сто раз остановились. Его то и дело окликали, звали, дергали.

– Тяжелая ноша – популярность, – снисходительно улыбнувшись, обронил Ярик, глядя на Андрея, который опять с кем-то застрял.

Мы уж ждать его не стали – там до кабинета пять шагов осталось дойти.

– О, а вот и наша доярка из Хацапетовки. Пардон, Зажопинска, – провозгласила Катрин, едва мы с Яриком переступили порог.

– Ты ведешь себя, как дура, – отчеканил Ярик холодно.

– Да где уж мне, – фыркнула она, но цеплять меня дальше не стала.

Её пирсингованная подруга восседала на столе, свесив ноги в проход. Сидела, ссутулившись, и опять что-то смачно нажевывала. Когда я направилась к своей парте, она закинула одну ногу на соседний стол, водрузив массивную грязную кроссовку на чей-то учебник, и преградила мне дорогу.

– Дай пройти, – сказала я.

Она сделала вид, что меня не слышит, продолжая чавкать.

– Чё, Ксюха, – засмеялась Катрин, – ножки устали?

– Э, Дыбовская! – возмутилась одна из девчонок, худенькая, веснушчатая, в очках. – Ты совсем офигела?

– Заглохни, блоха, а то щас договоришься, – пригрозила Ксюха. Выпустила изо рта мутный пузырь, с щелчком лопнула, втянула его обратно и продолжила нажевывать. – Очки протри – на кого рот разинула.

Девчонка уставилась на неё с обидой и негодованием, но ругаться не осмелилась.

– Дыбовская, ноги убери со стола, – произнес Ярик, не скрывая отвращения.

– А то чё? Мамке нажалуешься? – ухмыльнулась она, потом скосила на меня пустой наглый взгляд. – А ты гуляй отсюда, Хацапетовка.

В классе прыснули и сразу затихли.

– Что за кипиш? – услышала я за спиной голос Андрея. Оглянулась – он уже стоял прямо за мной. – Ты чего, Дыба, копыта тут раскидала? Ты у нас теперь шлагбаум?

– Исаев, иди в жопу, – вяло огрызнулась эта ужасная Ксюха, но ногу убрала.

– Эй, Дыбовская, если не знаешь, куда еще ноги закинуть, иди сюда, – смеясь, бросил рыжеволосый парень, который зашел в кабинет вместе с Андреем.

– Да ты экстремал, Гарик, – хлопнул его по плечу Андрей, улыбаясь. Потом кивнул мне, мол, идем на место.

Парни, которые до прихода Андрея, молча наблюдали за выходкой Дыбовской, сейчас, с его появлением, принялись соревноваться в «остроумии». Предлагали ей пойти размять конечности в какой-то тепличке. Спрашивали, сможет ли

она задрать ноги еще выше и всё в таком духе. Она в ответ то показывала кулаки, то посылала матом, то грозила расправой. И продолжалось это представление до самого звонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.